

Олег
СМЫСЛОВ

*Любовь
на службе царской*

ОТ СУВОРОВА ДО КОЛЧАКА

Олег Сергеевич Смыслов Любовь на службе царской. От Суворова до Колчака

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17104470

О. С. Смыслов. Любовь на службе царской. От Суворова до Колчака: ООО «Издательство «Вече»;

Москва; 2015

ISBN 978-5-9533-6470-6

Аннотация

Герои этой книги – офицеры и генералы Российской империи. Каждый из них оставил свой след в истории. Скромный или великий, не столь важно. Ведь речь пойдёт о любви на фоне их жизненных испытаний, в те самые времена, когда ценность института брака была абсолютна. Когда, как правило, любовь была выше заслуг и привилегий. А к близости, что по современным меркам невероятно, шли годами и относились к ней чаще всего свято.

Что и говорить, если в начале XX века до 17 процентов всех полковников и генералов русской армии никогда не были женаты! Русским офицерам запрещалось жениться ранее достижения возраста 23 лет.

Все любовные истории и истории браков героев книги, по сути, документальны и подкреплены свидетельствами их современников. Они любопытны и поучительны. А беспокойное время войн и революций отразилось на них порой неожиданно драматично.

Содержание

От автора	5
Семейная жизнь генералиссимуса Суворова	6
«Всегда найдутся неложные свидетели истины»	6
«...Таких людей нельзя оправдывать, их можно только прощать»	9
«Душа моя Наташа!»	16
Князь Трубецкой. Подвиг ради женщины	23
Узник секретного дома под номером девять	23
Госпожа Жадимировская	28
Князь Сергей Васильевич Трубецкой	34
О судьбе беглецов, и не только...	38
Генерал Скобелев: семья или баталии?	40
Суворову равный	40
Обреченный на безбрачие	45
Он собирался жить недолго	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Олег Смыслов

Любовь на службе царской.

От Суворова до Колчака

© Смыслов О. С., 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

От автора

Герои этой книги – офицеры и генералы (в том числе генералиссимус и адмирал) той самой Российской империи, которую мы потеряли в 1917 году.

Каждый из них оставил свой след в истории. Скромный или великий, не столь важно. Ведь речь пойдет о любви на фоне их жизненных испытаний, в те самые времена, когда ценность института брака была абсолютна. Когда, как правило, любовь была выше заслуг и привилегий. А к близости, что по современным меркам невероятно, шли годами и относились к ней чаще всего свято.

При этом нужно обязательно учесть некоторые особенности дореволюционной эпохи. Например, походная жизнь, служба в малоприспособленных к жизни условиях и местностях, частые военные кампании и другие факторы и причины, чаще всего не способствовали устройству семейного быта и не располагали к женитьбе офицеров Российской империи. Что и говорить, если в начале XX века до 17 процентов всех полковников и генералов Русской армии никогда не были женаты! Русским офицерам запрещалось жениться ранее достижения возраста 23 лет. А до 28 лет они могли жениться только с разрешения своего начальства и только в случае предоставления ими имущественного обеспечения. При даче разрешения на брак учитывалась его пристойность.

Однако не будем забегать вперед и лишь отметим: все любовные истории и истории браков героев книги (А. В. Суворова, князя С. В. Трубецкого, М. Д. Скобелева, П. П. Шмидта, В. А. Сухомлинова, А. В. Колчака, А. И. Деникина, великого князя Михаила Романова и графа А. А. Игнатъева), по сути, документальны и подкреплены свидетельствами их современников. Они любопытны и поучительны. А беспокойное время войн и революций отразилось на них порой неожиданно драматично.

Семейная жизнь генералиссимуса Суворова

«Всегда найдутся неложные свидетели истины»

В Петербург генералиссимус Суворов в последний раз въехал 20 апреля 1800 года. Въехал в самом обыкновенном дорожном возке под покровом сумерек, остановившись в доме № 23 у мужа своей племянницы Дмитрия Хвостова на Крюковом канале. Въехал будто бы тайком и очень медленно протащился по сонным столичным улицам. В доме Хвостова ему была оставлена князем Долгоруким записка, в которой говорилось, что Суворову запрещено являться к государю. Имя полководца исчезнет со страниц газет. У него заберут любимых и преданных адъютантов. Все это не могло не сказаться на здоровье семидесятилетнего человека. Его дни сократит именно эта опала. Заболев еще в дороге, он ляжет.

Когда граф Кутайсов, любимец самого императора, потребует отчета в его действиях, Александр Васильевич ответит без утайки:

– Я готовлюсь отдать отчет богу, а о государе я теперь думать не хочу...

А ведь еще вчера Суворову рукоплескала вся Европа! Еще вчера ему готовился в столице торжественный прием. «Для него были отведены комнаты в Зимнем дворце. В Гатчине его должен был встретить флигель-адъютант с письмом от государя. Войска предполагалось выстроить шпалерами по обеим сторонам улиц Петербурга. Солдатам предписывалось встречать генералиссимуса барабанным боем и криками “ура”, при пушечной пальбе и колокольном звоне, а вечером приказано было зажечь иллюминацию. Но...

В России Суворова ждал не триумф, а опала», – констатирует Михаил Сафонов.

И после чего. После того, как Итальянский и Швейцарский походы Суворова в 1799 года – это поистине та самая вершина полководческого искусства Александра Васильевича Суворова, к которой он шел более пятидесяти лет своей военной службы, участвуя в семи войнах и проведя более шестидесяти сражений, не проиграв не одного.

Например, последним крупным сражением в ходе Итальянского похода стало сражение при Нови. А результатом: освобождение в короткие сроки Северной Италии от французского господства. Именно за эту победу русского оружия император Павел I повелел оказывать Суворову такие же почести, какие до этого оказывались только императору.

Швейцарский поход по своему размаху и продолжительности стал одним из крупнейших для своего времени военных событий на горном театре военных действий. В этом походе проявились как полководческий гений Суворова, так и тактическое мастерство русских командиров. И на этот раз император Павел не отказал себе в удовольствии высоко оценить действия полководца: «Побеждая всюду и во всю Вашу жизнь врагов Отечества, Вам не доставало одного – преодолеть и самую природу, но Вы и над нею одержали верх». А уж почестям полководцу от императора бы не счесть...

Как пишет Михаил Сафонов, пока Суворов «на глазах изумленной Европы вписывал одну из замечательных страниц в историю военного искусства, Павел оказывал неизменное благоволение полководцу: 8 августа возвел его в княжеское достоинство, 24-го приказал отдавать военные почести, подобные отдаваемым особе государя, 28 октября присвоил ему звание генералиссимуса, повелел подготовить проект статуи, прославляющей суворовские победы».

Но, вместо более чем заслуженного триумфа, все закончилось новой и последней жестокой опалой. До сих пор поводом к ней называли и называют достаточно банальную причину. Якобы в Итальянском и Швейцарском походах Александр Васильевич держал при себе дежурного генерала, что полагалось иметь только монарху. Однако существует и дру-

гая версия, более подлинная. Будто бы еще при воцарении императора Павла в ближайшем окружении генералиссимуса вынашивались планы государственного переворота. Военные преобразования царя вполне заслуженно встретили резкое сопротивление в военных кругах. И особенно в окружении Суворова, который всегда открыто выражал Павлу свою оппозиционность. Парадоксально, но факт, когда над головой полководца сгустились тучи, его назначили главнокомандующим армией, действующей в Италии.

Новую опалу сократила смерть... Он умирал, и придворный врач Гриф тер генералиссимусу виски спиртом. На смертном одре он то бредил, то уходил в забытие. Одни голубые глаза еще продолжали жить на восковом лице, когда он их с трудом открывал.

Незадолго до кончины Суворов пожелал видеть поэта Гавриила Романовича Державина и, улыбнувшись, спросил его:

– Ну, какую же ты мне напишешь эпитафию?

– По-моему, – ответил тот, – слов много не нужно: «Тут лежит Суворов!».

Глаза Суворова засияли:

– Помилуй бог, как хорошо!

6 мая во втором часу дня он скончался. Этот майский день был ясным, не по-петербургски погожим. Вынос тела состоялся 12 мая в 9 часов утра... «Хоронили его как фельдмаршала, а не как генералиссимуса, – уточняет М. Сафонов. – За гробом шли только три армейских полка. Гвардию, за исключением конногвардейцев, не нарядили на похороны под предлогом усталости после парада. Зато весь Петербург вышел на улицы попрощаться с полководцем. Писатель Н. Греч вспоминал, что невозможно было добраться до дома Суворова: улицы загромождали экипажи и заполнил народ.

При отпевании в Александро-Невском монастыре произошла любопытная сцена. Лестница, ведущая в верхнюю церковь, оказалась слишком узкой, и гроб не проходил. Но гренадеры, служившие под начальством Суворова, поставили гроб на головы и со словами “Суворов везде пройдет” отнесли его наверх...

Ни царь, ни двор, ни знать на похоронах не присутствовали – никто не желал рисковать своей карьерой. Греч был прав, когда писал: “Не правительство, а Россия оплакивала Суворова”».

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысяча воинств, стен и затворов;
С горстью россиян все побеждать?
Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и Богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь!
Брана музыка днесь не забавна,
Слышен отвсяду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! – что воевать?

Именно таким стихотворением «Снигирь» Державин отозвался на смерть величайшего русского полководца, скончавшегося в его присутствии. К слову сказать, у поэта в клетке жила птичка, которая научилась петь одно колено военного марша. Под гиеной Державин подразумевал революционный дух Франции. Таким образом, помимо всего прочего, отразив в своем произведении еще и оппозиционный дух.

Полководец был погребен в Нижней Благовещенской церкви Александра-Невской лавры. Вначале на месте погребения положили плиту с длинной витиеватой надписью, которую через пятьдесят лет заменили на более короткую: «Здесь лежит Суворов».

Такая скромная надпись вполне соответствует масштабу личности Суворова, вошедшего в мировую историю, как выдающегося полководца и военного мыслителя. Одного из образованнейших людей своего времени, обладавшего обширными познаниями не только в военных науках, но и в других областях знаний. Оставившего огромное военно-теоретическое и практическое наследие, обогатившего все области военного дела новейшими выводами и положениями.

Отбросив устаревшие принципы кордонной стратегии и линейной тактики, Суворов сумел разработать и применить в полководческой практике более совершенные формы и способы ведения вооруженной борьбы, которые намного опередили свою эпоху, обеспечив русскому военному искусству ведущее место.

Суворов стал одним из трех георгиевских кавалеров за всю историю ордена, награжденных с 3-й по 1-ю степень:

3-я степень – генерал-майор – 19.08.1771 г.

«За храбрость и мужественные подвиги, оказанные 1770 и 1771 годов с вверенным ему detachmentом противу польских возмутителей, когда он благоразумными распоряжениями в случившихся сражениях, поражая везде их партии, одержал над ними победы».

2-я степень – генерал-майор, начальник отряда – 30.07.1773 г.

«За произведенное храброе и мужественное дело с вверенным его руководству detachmentом при атаке на Туртукай».

1-я степень – генерал-аншеф, начальник дивизии – 18.10.1789 г.

«Во всемиловейшем уважении на особое усердие, которым долговременная его служба была сопровождаема, рдение и точность в исполнении предложений главного начальства, неутомимость в трудах, предприимчивость, превосходное искусство и отличное мужество во всяком случае, наипаче же при атаке многочисленных турецких сил, верховным визирем предводимых в 11 день сентября на реке Рымник оказанное, где он с войсками Российскими и с корпусом союзника России, Его Величества Императора Римского, под командою принца Сакен-Кобургского находящимся, совершенную над неприятелем одержал победу».

Уверенный и твердый во всех своих сражениях, Александр Васильевич оставался уверенным и твердым в обычной жизни. И потому однажды написал: «Жизнь столь открытая и известная, какова моя, никаким биографом искажена быть не может. Всегда найдутся неложные свидетели истины».

«...Таких людей нельзя оправдывать, их можно только прощать»

Генерал-майору Суворову было 43 года, когда он отпросился в отпуск в Москву, навестить престарелого и больного отца – генерал-аншефа и сенатора, что проживал близ Никитских ворот. Не виделись они целых четыре года. Сестры Александра Васильевича были давно замужем и пристроены, оставался он один, продолжающий жить бобылем, которого, что называется, не «проженишь». Сам Суворов-старший женился рано и поэтому сильно переживал, что его единственный сын, воспитанный в строгих понятиях христианской морали, не продолжит рода по мужской линии. Потому и старательно побеспокоился, подыскав ему молодую невесту – дочку отставного генерал-аншефа князя Ивана Андреевича Прозоровского. Собственно, и Александра именно с этой целью он настойчиво вызвал в отпуск сам.

Жених хоть и имел на тот момент высокие награды, генеральский чин, хоть и успешно повоевал с польскими конфедератами и турками, все же выглядел не ахти как.

«Александр Васильевич Суворов сызмальства относился весьма скептически к представительницам лучшей половины человечества, не без оснований полагая их препоной в бурной военной жизни, которой он посвятил себя с младых ногтей, – пишет А. Крылов. – Ему уже минул сорок третий год, но горячего желания отягощать себя брачными узами он не проявлял. Привычка к скромному бивуачному быту, простой еде и одежде, постоянная походная жизнь позволяли предположить, что свой век он скоротает бобылем. Внешность Суворова также мало способствовала успехам на любовном фронте: маленького роста, сухопарый, с резким морщинистым лицом и скромной шевелюрой. Не компенсировал внешних недостатков и холерический темперамент, послуживший причиной бесчисленного количества анекдотов. Нетерпеливый, горячий до вспышек бешенства, неуступчивый Суворов при всех усилиях не всегда мог сдержаться в рамках приличия. Способный на едкое словечко в царских апартаментах, в быту он становился настоящим деспотом.

Он уже много добился в жизни, познав и огонь, и воды, и блеск медных труб». Этот портрет можно вполне дополнить некоторыми штрихами из книги «Суворов» О. Михайлова:

«Суворов никак не мог понравиться – сутуловатый, прихрамывающий, маленького роста, с подвижным, но морщинистым лицом, высоко поднятыми бровями и неправильным носом, с редкими, ставшими скоро седыми волосами...

Он – человек глубокого ума, один из образованнейших русских людей своего времени, поразительно начитанный...

Он – бережливый, иногда до скупости, заклятый враг роскоши...

Он – человек набожный, строго и серьезно относящийся к своим брачным обязанностям...»

А еще ему сильно вредила репутация чудака.

Невесте – Варваре Ивановне Прозоровской было 23 года. По словам Вигеля, она была «красавица в русском вкусе, румяна и полна, но ума невысокого и воспитания старинного». Ее род прослеживается от самого святого князя Владимира, крестившего Русь. В «Разводе по-суворовски» А. Крылов описывает ее так: «...Варвара Ивановна была хороша особой русской красотой: высокая, русоволосая, зеленоглазая, она, как любая девушка ее возраста, желала любить и быть любимой. По меркам того времени считалось, что княжна засиделась в девках. Заневестилась. Привели к такому печальному положению дел стесненные обстоятельства ее отца.

Подобно многим русским вельможам, князь держал открытый дом, привык выезжать на псовую охоту в окружении толпы гостей и челяди, был щедр, любил балы и развлечения.

Поиздержавшийся Прозоровский мог дать дочери более чем скромное приданое. Конечно, воздыхателей у красивой девушки было немало, но гордость не позволяла княжеской семье родниться с каким-нибудь худородным коллежским советником. Иное дело генерал-майор и кавалер...

Историки нередко упрекают Варвару Ивановну в плохом образовании и воспитании. Вряд ли молоденькая княжна являла в этом смысле что-то из ряда вон выходящее. Княгиня Дашкова, принадлежавшая к тому же кругу, что и Варенька Прозоровская, вспоминала: «Мы учились четырем языкам: по-французски говорили бегло; один статский советник давал нам уроки итальянского языка, а г. Бекетов занимался с нами по-русски, впрочем, только когда мы достаивали его своим вниманием (кроме учились по-немецки). В танцах мы сделали большие успехи и несколько умели танцевать».

Любое воспитание приносит хорошие плоды, только если сочетается с природным здравым смыслом, способностями, желанием учиться. Не подлежит сомнению, что в сравнении со своим женихом, одним из самых образованных и талантливых людей эпохи, Варенька Прозоровская блистать остроумием и ученостью не могла. Да что греха таить, они были полной противоположностью. Легкомысленная, привычная к светскому блеску, развлечениям, далекая от прозы жизни, княжна никак не вписывалась в образ «офицерской жены», столь привычный для русских женщин трех последних столетий».

Светская девица Варвара Ивановна не просто любила общество, а буквально растворялась в нем, получив необычное прозвище «Мусие-мадаме». Как считает М. Скачидуб, «она стала лакомой ягодкой для блистательных повес. Княжна полюбила балы. Эти «мазурки», «польки», блески свечей в зеркалах, золотое шитье мундиров, эполеты кавалергардов, гвардейских офицеров, их нежные прикосновения и горячий шепот кружили голову!»

Несмотря на все эти противоречия, практически во всем, никто никого не спрашивал. Старые генералы, как отцы приличных и уважаемых семейств, договорились меж собой, ударили по рукам и сосватали своих детей.

Прижимистый Суворов-старший, начавший свою службу денщиком у Петра I, сколотил достойное состояние и на старости лет мечтал лишь об одном: женить сына и дожидаться на свет появления внука – наследника рода Суворовых.

Князья Прозоровские хоть и принадлежали к высшим кругам московской знати, имея в ней обширные и прочные связи, все же в поместном и имущественном отношении были, что называется, захудалы.

Потому этот брак был выгоден обоим семействам: «...Иван Андреевич Прозоровский любил жить на широкую ногу, беззаботно, хлебосольно и в результате совершенно промотался. Невеста получила в приданое каких-нибудь пять-шесть тысяч рублей, да еще вопрос, дали ли эти деньги обедневшие Прозоровские или богатые Голицыны. Между тем отец Суворова имел уже около двух тысяч крепостных «мужска полу», не считая денег и прочей собственности. Кроме того, за сыном было весьма недурное «приданое» – Орехово, Ландскрона, Столовичи, Туртукай, Гирсово. Дворянская знать, высоко чтившая военную службу, не могла не оценить заслуг боевого генерала» (О. Михайлов).

В декабре 1773 года Александр Васильевич пишет фельдмаршалу П. А. Румянцеву: «Вчера имел я неожиданное мною благополучие – быть обрученным с Варварою Ивановною Прозоровскою». Помолвка состоялась 18 декабря 1773 года, обручение – 22 декабря, а 16 января 1774 года – свадьба. Венчались молодые в церкви Федора Студита, той самой, где в свое время крестили Александра. Был и медовый месяц, который проходил в доме отца на Большой Никитской. А в середине февраля Суворов возвращается в армию, на театр военных действий в свою привычную среду. Молодая жена остается в Москве. Остается на время, потому что потом ей придется вкусить всей прелести жены военачальника, произведенного в марте в чин «генерал-поручика».

Как подчеркивает Олег Михайлов, «Варваре Ивановне приходилось все эти годы нелегко. Она то жила в Опошне под Полтавою, то следовала за своим генерал-поручиком. Бесконечные путешествия, очевидно, не прошли ей даром: из-за тряски по ужасным дорогам в 1776–1777 годах она дважды выкинула. В Крыму, в нездоровом климате, восемь месяцев не вставала с постели из-за лихорадки. Заваленный по горло делами, Суворов по полгода не видел жену. Молодая красивая женщина, не имевшая к тому же твердых нравственных понятий, поддавалась искушению».

Стоит отметить, что Варвара Ивановна, следуя за своим мужем, побывала и в Таганроге, и в Астрахани, и Крыму, и на Украине, то есть там, где для нее муж мог создать более или менее сносные бытовые условия. Временами он просто не отпускал ее от себя. Вот только не всегда это было возможно.

По свидетельству французского маркиза Дюбокажа, Александр Васильевич «...не любил женщин, считая их помехою славы для военного человека, расстраивающих здоровье, действующих на нравы и отнимающих бодрость». На брачный союз он смотрел, как на обязанность: «Меня родил отец, и я должен родить, чтобы отблагодарить отца за рождение». «Богу негодно, – говорил он, – что не множатся люди». Однако, женившись, был по-своему счастлив, и свой брак называл не иначе, как «неожиданным благополучием». Например, в апреле 1775-го он не без удовольствия писал другу, что душа его летает часто в Киев, туда, где в это время находилась его супруга. А 1 августа 1775 года Варвара Ивановна Суворова родила дочь Наталью. Александр Васильевич был на седьмом небе от счастья, встретив это известие как самое великое событие в своей жизни.

Жену он любит, жалеет, постоянно думает о ней, проявляя заботу и беспокойство, о чем периодически сообщает своему другу П. И. Турчанинову в сентябре 1778 года:

«Жена родит, коли будет жива, в исходе ноября...» и на следующий день:

«Томящуюся в болезни чреватую жену, равно мою девчонку, себя – забываю, помня себя в единственной части – высочайшей службы, где бы она ни была, хоть в бездне океана. Бог да подкрепит мои силы».

«...но жене – 8-й месяц, в постели; снова напала на нее жестокая горячешная лихорадка... на сих первых днях едет к Полтаве. Дочь же почти еще в горшей опасности. Если Бог даст благополучно, надо бы мне было к жениным родинам на краткий час приехать к ним...» – напишет Суворов в октябре.

В Полтаву жену с дочерью он отправляет в сопровождении своего племянника, Николая Сергеевича Суворова. А уже в декабре с сожалением отмечает:

«От Варвары Ивановны с прочими в Полтаву слуху нет...» Молчание жены было странным, но абсолютно не случайным. Все выяснится очень скоро...

«Николай Суворов под начальством своего дяди служил в Польше и был тяжело ранен в руку, – рассказывает про родственника полковника М. Скачидуб. – Суворов протезировал племяннику и просил своего благодетеля Г. А. Потемкина оказать милость и благоволение Николаю... «беспомощного секунд-майора»: – «Воззрите на него, Светлейший князь, как на несчастного по службе».

Просьба была уважена, и Николай Суворов был зачислен секунд-майором в Санкт-Петербургский драгунский полк. Однако служил при дяде «приставом при Светлости Хане и употреблен от меня к важнейшему ему поручениям в выводе христьян». И снова дядя Александр Васильевич просит Г. А. Потемкина милостей для племянника, посылая его в Петербург. Вновь повышение...

В самом начале июня 1779 года А. В. Суворов с кратким отпуском из Крыма примчался в Полтаву навестить давно не подающую о себе вестей жену и, к своему ужасу, с поличным застывает ее в любовной связи с племянником, Николаем Суворовым.

В громе и молниях разгневанный, в ярости муж ускакал в военный лагерь на реке Малый Карасу, откуда полетело грозное письмо управляющему его делами И. К. Канищеву:

«Канищев! Бывшей моей... весьма мне хочется ведать похождение в девках, с кем... и с кем родила, как?... Ежели ее поступки в Москве будут такие ж непотребные, то тебе меня тотчас уведомить... Не думай на одного Николая Суворова: ей иногда всякий ровен... Она очень лукава, однако видали Николая Суворова, как к ней по ночам в плаще белом гуливал... Его ко мне на двор не пускать, а других таких, сколько можно. Только то и мудрено: она будет видатца с такими по церквам, на гульбищах, в чужих домах, как бы хотя и мои служители то ни присматривали... О девичьих поступках мусие-мадаминных должно знать...»

Скандал разгорелся нешуточный. Однако Суворов, несмотря на кривотолки, сплетни и прочие разговоры, решил твердо: добиваться развода. Хотя в те времена это было не очень-то и просто.

В сентябре 1779 года полководец подает прошение в Духовную консисторию, в котором объясняет все без утайки:

«...Но когда в 1777 году по болезни находился в местечке Опошне, сперва она Варвара, отлучась своевольно от меня, употребляла тогда развратные и соблазнительные обхождения, неприличные чести ее, почему со всякою пристойностью отводил я от таких поступков напоминаем страха Божия, закона и долга супружества; но не уважая сего, наконец презрев закон христианский и страх Божий, предалась неистовым беззакониям явно с дворянским племянником моим С.-Петербургского полка премьер-майором Николаем Сергеевым сыном Суворовым, таскаясь днем и ночью, под видом якобы прогуливания, без служителей, а с одним означенным племянником одна по дворам, пустым садам и другим глухим местам...»

Несложно понять душевную боль великого полководца, чистого и прямодушного человека, которого предали сразу два близких человека.

В описании того самого соблазнителя О. Михайлов краток, но более точен:

«Внук Ивана Ивановича Суворова, сводного брата Василия Ивановича, он приходился великому полководцу внучатым племянником и пользовался долгое время его расположением. Под началом А. В. Суворова он служил в Суздальском полку и высказал недюжинную храбрость при Ландскроне и осаде Кракова. В 1778 году Николай Суворов находился в Крыму в качестве пристава при Шагин-Гирее. Услужливые люди поспешили во всех подробностях расписать потаенные отношения Варвары Ивановны и Николая Суворова».

«После короткого и бурного объяснения Суворовы разъехались: Варвара Ивановна с Наташей отправилась в Москву, в дом на Большой Никитской. опережая ее, в первопрестольную летели письма Суворова его присным, вроде отставного капитана Ивана Дмитриевича Канищева. Растравливая себя, генерал-поручик сообщал подробности измены, бывшей для него именно изменой, равноценной предательству в бою. В ослеплении он даже готов наговорить на Варюту лишку, возможно, желая очернить ее не только в глазах какого-то Канищева или московских тетюшек Варвары Ивановны, сколько в своих собственных. Он хочет окончательно убедить себя в вероломстве и испорченности ее натуры». И тем не менее он настойчив.

Прекрасно понимая, что получить разрешение на расторжение брака будет весьма и весьма сложно, Александр Васильевич обращается за поддержкой к самому Г. А. Потемкину:

«Светлейший Князь! Милостивый Государь!

По благополучном окончании военных действий, когда все в том подвиги воспринявшие наслаждаются покоем, надеялся и я вкусить от плодов оного; но среди того постигли меня толь горестные обстоятельства, коих воспоминание желал бы я скрыть навсегда от света, если б честь и достояние звания моего не исторгали от меня поминутно их признания. Обесчестен будучи беззаконным и поносным поведением второй половины. Молчание

было бы знаком моего в том соучастия... удостойте, Светлейший Князь! Высокого внимания Вашего, будьте представителем у Высочайшего престола к изъявлению моей невинности, в справедливое же возмездие виновнице, к освобождению меня в вечность от уз бывшего с нею союза, коего и память имеет уже быть во мне истреблена, не нахожу иного способа к моему успокоению, и нет посредства к прежнему присоединению; ибо сему преимущественно смерть, яко единый конец моего злочючения, предпочесть я долженствую...»

Но на этот раз все усилия полководца оказались тщетными. В декабре 1779 года не без помощи Потемкина Суворов пригласили на торжественный прием в Зимний дворец.

Сама императрица Екатерина, осведомленная о твердом желании полководца расторгнуть брак, вмешалась в ссору и в приватной беседе дала понять – развода не будет. Нет сомнения в том, что именно она настояла на примирении. И оно состоялось...

С женой Суворов встретился в январе 1789 года в Москве, где получил секретный приказ немедленно отправиться в Астрахань для подготовки военной экспедиции на Каспий.

«Суворов отзывает свое прошение и берет на себя заботы по “благоприведению к концу спасительного покаяния и очищения обличительного страшного греха”, – пишет А. Крылов. – Помирившиеся супруги выезжают к месту службы Суворова в Астрахань. Здесь произошло театрализованное действие церковного примирения. Генерал в простом солдатском мундире и Варвара Ивановна в скромном платье явились в храм, где их встретил священник. Во время службы супруги обливались слезами. Суворов подошел к настоятелю и, рухнув на колени, просил: “Прости меня с моею женою, разреши от томительства моей совести!”»

В общем в семье полководца наступила временная идиллия, а он сам занялся своим любимым делом, проживая в этот период, то в Астрахани, то в Спасском монастыре, то в богатом имении села Началова «Черепaxe», принадлежащем Н. А. Бекетову.

В Семилетнюю войну этот красавец загубил свой гренадерский полк в сражении при Цорндорфе, а сам попал в плен. Как-то выкрутился и с 1763 по 1773 год был астраханским губернатором.

Оставляя свою жену в прекрасном господском доме Бекетова, Суворов даже не предполагал, что хозяин имения «Черепaxe» и его ровесник будет обхаживать Варвару Ивановну в дни его отсутствия. Известно, что красивых женщин Никита Афанасьевич обхаживал особенно нежно и настойчиво. Тем более что в данном случае он делал это, прикрываясь самым активным участием в семейных делах Суворова.

Уже в марте Варвара Ивановна поведала мужу о том, что некий «ризомаратель» напал на нее и, угрожая двумя пистолетами, овладел ею. Кто был этот самый «ризомаратель» и по сей день неизвестно. Судя по всему, жене полководца эта история понадобилась, чтобы избежать вопросов при определенном положении. А виновником его мог быть только тот самый Бекетов.

На этот раз откровение жены Александр Васильевич принял за чистую монету и даже старался оправдать ее – «чрезвычайностью обстоятельств, угрозой и насилием». Как подчеркивает О. Михайлов, «тут прорывается его чувство к жене; тут проявляется трогательная человечность Суворова».

«Сжальтесь над бедною Варварою Ивановною, которая мне дороже жизни моей, иначе вас накажет господь бог! Зря на ее положение, я слез не отираю. Обороните ее честь. Сатирик сказал бы, что то могло быть романичество; но гордость, мать самодеяния, притворство, покров недостатков – части ее безумного воспитания. Оставляли ее без малейшего просвещения в добродетелях и пороках, и тут вышесказанное разумела ли она различить от истины? Нет, есть то истинное насилие, достойное наказания и по воинским артикулам! Оппонировать: что она “после уже последовала сама...”. Примечу: страх открытия, поношение, опасность убийства, – далеко отстоящие от женских слабостей. Накажите сего изверга

по приметной строгости духовных и светских законов, отвратите народные соблазны, спасите честь вернейшаго раба нашей Матери, в отечественной службе едва не сорокалетнего»»).

Так наивно и легкомысленно великий полководец убеждал своего покровителя и начальника канцелярии Потемкина, Турчанинова. Убеждал и других, не замечая под носом ровным счетом ничего подозрительного. Сама же Варвара Ивановна с появлением в ее жизни Бекетова, все того же П. И. Турчанинова просила об одном: «А что касается до злодея проклятого, то, пожалуй, батюшка Петр Иванович, постарайся ради Бога, упечь его поскорее». Речь шла о бывшем возлюбленном Николае Суворове, которого просто перевели из столичного драгунского полка в Таганрогский драгунский.

21 апреля 1784 года генерал-поручик приезжает в Москву и почему-то останавливается в доме генерал-губернатора графа З. Г. Чернышева. Варвара Ивановна, ожидавшая второго ребенка, находится в доме его отца у Никитских ворот. Причина нового разрыва становится ясной лишь 21 мая, когда в коротенькой записке на французском языке Суворов пишет: «Мне наставил рога Сырохнев. Поверите ли?»

Следует отметить, что роман Варвары Ивановны с секунд-майором Белозерского полка Иваном Ефремовичем Сырохневым стал последним в семейной жизни четы Суворовых. В Москве полководец подал прошение о разводе в Синод, обвинив жену в связи с этим офицером и пообещав представить «обличающее ее свидетельство». 29 мая он уже в Санкт-Петербурге. Посещает преосвященного митрополита Гавриила...

«Будучи же там, узнал, что прежнее бешенство в семейных делах его не токмо возобновилось, но и превзошло всякие меры. Влодимерской дивизией он весьма доволен и благодарен. Впрочем, кроме семейных огорчений, ни о чем он не говорил и уехал довольный», – уведомит Потемкина Турчанинов.

В конце июля Суворов принимает решение забрать все свое имущество из Москвы в село Ундол. Как он пишет в одном из своих писем, «т. е. тамошнего моего дома: людей, вещи, бриллианты и письма». Дело в том, что к этому времени Суворов получил ответ на свое прошение о разводе. Синод отказал ему и на этот раз, усмотрев в данном случае отсутствие надлежащих свидетельств и «иных крепких доводов» и предложил начать бракоразводное дело в низшей инстанции.

«Ныне развод не в моде. Об отрицании брака, думаю, нечего и помышлять», – убежден в своем проигрыше Суворов. Однако ни о каком примирении на этот раз речи быть не могло: «... третичного брака быть не может». Полководец тверд в своем решении, а получив известие о намерении тестя «поворотить жену к мужу», категорично заявляет: «нет»!

4 августа 1784 года Варвара Ивановна рождает сына Аркадия, однако Александр Васильевич категорически отрицает свое отцовство и отрешивается от него всеми руками и ногами. Видимо, у полководца были для этого достаточные веские основания и причины. Уж чего-чего, а считать и думать он умел.

После долгих уговоров и раздумий, в конце декабря Суворов просит одного из своих родственников: «Супругу Варвару Ивановну довольствовать регулярно из моего жалованья». Сначала он назначил жене пенсию в 1200 рублей в год и только потом увеличил ее до 3000 рублей. А когда ему говорили: «Помилуйте, граф, это сущий пустяк! Сейчас любовниц, отправляемых в отставку, награждают поместьями, приносящими 80 000 дохода», он откровенно обижался.

Брошенная мужем Варвара Ивановна сначала проживала у своего отца, потом в Москве у брата. Жила бедно и почти не показывалась на людях. Оставшись одна и находясь в стесненных материальных обстоятельствах, она решается написать своему мужу отчаянное письмо:

«Милостливый государь мой граф Александр Васильевич!

Крайность моя принудила беспокоить вас моей просьбой. Тринадцати лет я вас ничем не беспокоила, воспитывала нашего сына в страхе Божиим, внушала ему почтение, повиновение, послушание, привязанность и все сердечные чувства, которыми он обязан родителям, надеясь, что Бог столь милосерд, преклонит ваше к добру расположенное сердце; вы, видя детей ваших, вспомните и несчастную их мать, в каком она недостатке, получая в разные годы и разную малую пенсию, воспитывала сына, вошла в долг до 22 000 рублей, о которых прошу милость сделать заплатить.

Не имея дома, экипажа, услуги и к тому принадлежащее к домашней всей генеральской надобности, живу у брата... Но уже, милостливый государь мой, пора мне оставить его от оной тягости с покоем. И так рассуди милостливо при дряхлости и старости, каково мне прискорбно, не имея себе пристанища верного, и скитаться по чужим углам; войдите, милостливый государь мой, в мое состояние, не оставьте мою просьбу.

Еще скажу вам, милостливый государь, развяжите мою душу, прикажите дочери нашей меня, меня, несчастную мать, знать, как Богом указано, в чем надеюсь, что великодушно поступите во всем моем прошении, о чем я всеискренно прошу вас, милостливый государь мой, остаюсь в надежде неоставления твоей ко мне милости».

Полководец в своем ответе был краток и неприступен: сам в долгах, а потому помочь ей ничем не в состоянии. Тогда за Варвару Ивановну вступился император Павел, который повелел провести ревизию всего имущества Суворова. Очень скоро ему доложили, что у Суворова каменный дом в Москве, 9080 душ крестьян, с которых он имеет 50 000 в год оброку, и на сто тысяч всяких алмазных вещей. Услышав эти цифры, император сказал: «Передайте Суворову, чтобы снизошел к нуждам жены».

– Мне сие постороннее, – ответил великий полководец, но с Павлом шутить не стал. И подчиняясь монаршей воле, отдал Варваре Ивановне свой московский дом и поднял ежегодное содержание до 8000 рублей. Погасить же долги жены генералиссимуса так и не смогли заставить.

Умерла жена полководца в возрасте 55 лет 8 мая 1806 года, пережив своего великого супруга всего на 6 лет. Ее похоронили в Новоиерусалимском монастыре, под Москвой. Говорят, после воцарения Александра I о ней как вдове генералиссимуса Суворова вспомнили. Сам император пожаловал ей титул статс-дамы и наградил орденом Святой Екатерины первой степени. Но все эти почести оказались слабым утешением для больной и брошенной женщины.

«Судьба судила этой женщине быть женой гениального полководца, и она не может пройти незамеченной, – писал один из исследователей жизни Суворова В. А. Алексеев. – Она, как Екатерина при Петре, светила не собственным светом, но заимствованным от великого человека, которого она была спутницей. Своего жребия она не поняла и не умела им воспользоваться, в значительной степени по своей вине, а таких людей нельзя оправдывать, их можно только прощать».

«Душа моя Наташа!»

«Суворов всегда слыл чудачком, но после разрыва с женой он стал выкидывать уже совсем странные штуки, – утверждает Ирина Стрельникова. – Посреди важного разговора мог запрыгать на одной ноге, запеть петухом. Однажды в Вене, на улице, вышел из кареты и при дамах стал оправляться, будто он со своими солдатами в походе. Если кто-то не нравился – удержу не было никакого. Некий штаб-офицер Энгельгардт за обедом у Александра Васильевича неосторожно усмехнулся, глядя, как по старинке разносятся гостям блюда – по чинам. Суворов заметил, вскочил из-за стола, стал кричать: “Воняет, откройте окна! За столом – вонючка!” Однажды за что-то подобное Суворова даже вызвал на дуэль граф Нащокин, а когда Александр Васильевич отказался, назвав дуэль глупостью, дал пощечину. С тех пор Суворов, встречая Нащокина, всякий раз делал вид, что хочет убежать, и вопил: “Боюсь, боюсь, он сердитый, дерется”. Придворных Суворов обожал расспрашивать, за что им дан тот или иной орден, и с нарочитым удивлением качал головой: “Не слыхивал о таком подвиге, не слыхивал...” То вдруг принимался раскланиваться с дворцовым истопником, поясняя, что заводит полезные связи: “Сегодня он истопник, а завтра может бог знает чем!” Все это с мудрым смирением переносила Екатерина, но когда ее не стало и императором сделался Павел, дела Суворова пошли плохо».

Объяснение этим выходкам дает в своей книге о полководце Олег Михайлов:

«Жизнерадостный, простецкий и по-мальчишески озорной, он был на редкость цельной натурой. Все резкие выходки, проявления неудовольствия, зависти, неприязни были лишь узорами на поверхности его доброго и отзывчивого характера».

Истинные привычки Суворова были в другом:

«Вставал Суворов, как всегда, очень рано. Камердинеру Прохору приказано было тащить генерала за ногу, коли тот поленится. После этого бегал он по комнатам или по саду неодетый, заучивая по тетрадке финские, турецкие и татарские слова и фразы. Затем умывался, обливался водой, пил чай, после которого следовало пение духовных кантов по нотам. Воротившись с развода, он принимался за дела и чтение газет. Перед обедом непременно выпивал рюмку тминной водки и закусывал редькой. Не любил есть один. Фрукты и лакомства не уважал, вина пил немного, в торжественные дни угощал шампанским. В великий пост в его комнате почти ежедневно отправлялась церковная служба, причем генерал-аншеф исполнял обязанности дьячка. Спал на сене, с двумя пуховыми подушками под головой, укрывался простыней, а когда холодно – синим форменным плащом. Не носил ни фуфаяк, ни перчаток; в комнатах своих обожал почти банную теплынь; парился в страшном жару и окачивался ледяной водой. Любил животных, хотя дома их не держал. Иногда при встрече с собакой лаял, а с кошкой – мяукал.

Он питал пристрастие к стародавним обычаям.

На праздники велел он ставить близ своего дома разного рода качели, целовался со всеми в церкви, после чего офицеры и чиновники приглашались к нему разговеться. Вскоре гости разъезжались, а генерал-аншеф ложился соснуть. В десять утра в полном мундире являлся он под качели, где уже толпился народ. Тут были полковые музыканты и песенники. Суворов обходил качели и, покачавшись с чиновниками и купчихами, звал их с мужьями на чай к вечеру».

Несчастливый в семейной жизни Александр Васильевич всю свою привязанность, всю свою душевную любовь обратил на дочь, которую ласково называл «Суворочкой». Еще после первой серьезной размолвки в семье ее определили в Смольный институт благородных девиц в Петербурге. До наших дней дошли письма, которые великий полководец писал

своей дочери. Они не только назидательны, но прежде всего добры, трогательны, а самое главное, наполнены искренней любовью...

«Кинбурн. 20 декабря 1787 г.

Любезная Наташа!

Ты меня порадовала письмом от 9 ноября. Больше порадуешь, когда на тебя надедут белое платье; и того больше, как будем жить вместе. Будь благочестива, благонравна, почитай свою матушку Софью Ивановну; или она тебя выдерит за уши да посадит за сухарик с водицею. Желая тебе благополучно препроводить Святки; Христос Спаситель тебя соблюди Новой и многие годы! Я твоего прежнего письма не читал за недосугом; отослал к сестре Анне Васильевне. У нас все были драки сильнее, нежели вы деретесь за волосы; а как вправду потанцевали, то я с балету вышел – в боку пушечная картечь, в левой руке от пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрелили: насилу часов чрез восемь отпустили с театру в камеру. Я теперь только что поворотился; выездил около пятисот верст верхом, в шесть дней, а не ночью. Как же весело на Черном море, на Лимане! Везде поют лебеди, утки, кулики; по полям жаворонки, синички, лисички, а в воде стерлядки, осетры: пропасть! Прости, мой друг Наташа; я чаю, ты знаешь, что мне моя Матушка Государыня пожаловала Андреевскую ленту “За веру и верность”. Целую тебя. Божье благословение с тобою.

Отец твой Александр Суворов».

«Кинбурн. 16 марта 1788 г.

Милая моя Суворочка!

Письмо твое от 31 января получил. Ты меня так утетила, что я по обычаю моему от утети заплакал. Кто-то тебя, мой друг, учит такому красному слогу, что я завидую, чтоб ты меня не перещеголяла. Милостивой Государыне Софье Ивановне мое покорнейшее почтение! О! ай да Суворочка, как же у нас много полевого салата, птиц, жаворонков, стерлядей, воробьев, полевых цветков! Морские волны бьют в берега, как у Вас в крепости из пушек. От нас в Очакове слышно, как собачки лают, как петухи поют. Когда бы я, матушка, посмотрел теперь тебя в белом платье! Как-то ты растешь! Как увидимся, не забудь мне рассказать, какую приятную историю о твоих великих мужах древности. Поклонись от меня сестрицам. Благословение Божие тобою!

Отец твой Александр Суворов».

«Кинбурн. 29 мая 1788 г.

Любезная Суворочка, здравствуй!

Кланяйся от меня всем сестрицам. У нас уж давно поспели дикие молодые зайчики, уточки, кулички. Благодарю, мой друг, за твое письмо от 6 марта; я оно сего дня получил. Не ошиблась ли ты уж в месяце? Тут же письмо получил от Елисаветы Ивановны Горехвостной. Правда, это попозже писано, 15 марта. Кланяйся ей от меня, и обеим вам благословение Божие! Недосуг много писать: около нас сто корабликов; иной такой большой, как Смольный. Я на них смотрю и купаюсь в Черном море с солдатами. Вода очень студена и так солонна, что барашков можно солить. Когда буря, то нас выбрасывает волнами на берег.

Прощай душа моя!

Отец твой Александр Суворов».

«Кинбурн. 2 июня 1788 г.

Голубушка Суворочка, целую тебя!

Ты меня еще потетила письмом от 30 апреля. На одно я вчера тебе отвечал. Коли, Бог даст, будем живы, здоровы и увидимся. Рад я с тобою говорить о старых и новых героях,

лишь научи меня, чтоб им последовал. Ай-да Суворочка, здравствуй, душа моя, в белом платье. Носи на здоровье, расти велика. Милостливой Государыне Софье Ивановне нижайшее мое почтение. Уж теперь-то, Наташа, какой же у них по ночам в Очакове вой, – собачки поют волками, коровы лают, кошки блеют, козы ревут! Я сплю на косе; она так далеко в море, в лиман ушла. Как гуляю слышно, что они говорят: они так около нас, очень много, на таких превеликих лодках, – шесты большие, к облакам, полотны на них на версту. Видно как табак курят, песни поют заунывные. На иной лодке их больше, чем у вас во всем Смольном мух, – красненькие, зелененькие, синенькие, серенькие. Ружья у них такие большие как камера, где ты спишь с сестрицами. Божие благословение с тобою!

Отец твой Александр Суворов».

«Кинбурн. 21 июля 1789 г.

Ma chere Soeur!

Baises pour moi mes autres amies, et la main a Софья Ивановна! (Моя любезная сестрица! Поцелуй за меня моих приятельниц и ручку Софье Ивановне). В Ильин и на другой день мы были в Refectoire (попировали) с турками. Ай да ох! Как же мы потчевались! Играли, бросали свинцовым большим горохом да железными кеглями в твою голову величины. У нас были такие длинные булавки, да ножницы кривые и прямые: рука не попадайся, тотчас отрежут, хоть голову. Ну, полно с тебя, заврались!

Кончилось иллюминацією, фейерверком. Хастатов весь исцарапан.

С Festin (пиршества) турки ушли, ой далеко! Богу молиться по-своему, и только: больше нет ничего. Прости душа моя. Христос Спаситель с тобою.

Отец твой Александр Суворов».

«Берлад. 21 августа 1789 г.

Суворочка душа моя, здравствуй!

Mes baisemains a (целую ручки) Софье Ивановне. Поцалуй за меня сестриц. У нас стрепеты поют, зайцы летят, скворцы прыгают на воздухе по возрастам: я одного поймал из гнезда, кормили из рота, а он и ушел домой. Пospели в лесу грецкие и Волоцкие орехи. Пиши ко мне изредка. Хоть мне недосуг, да я буду твои письма читать. Молись Богу, чтобы мы с тобой увиделись. Я пишу к тебе орлиным пером: у меня один живет, ест из рук. Помнишь, после того уж я ни разу не танцевал. Прыгаем на коньках, играем такими большими кеглями железными, насилу поднимешь, да свинцовым горохом: когда в глаз попадет, так и лоб прошибет. Прислал бы к тебе полевых цветков, очень хороши, да дорогой высохнут. Прости, голубушка сестрица, Христос Спаситель с тобою.

Отец твой Александр Суворов».

«22 сентября 1789 г. Речка Рымник в Валахии, место сражения.

Сего дня победил я Огинского... Я и принц Саксен-Кобургской соединенными силами разбили и обратили в бегство большую армию неверных в количестве от 80 до 90 000 или больше. Сражение продолжалось целый день. Наш урон не велик. Турок положено на месте 5000. Мы захватили три лагеря и все их обозы. Трофеи: от 50 до 100 штандартов и знамен, пушек и мортир 78, то есть вся их артиллерия. Поздравляю тебя, душа моя, с сею знаменитою победою.

Отец твой Александр Суворов

P.S. Великий Визирь сам начальствовал, 81 пушка со всею упряжью и амунициею, вьючного скота 20 быков. Благодарение Богу! Я здоров, лихорадка была, да во время похода отступила».

«Берлад. 24 октября 1789 г.

Душа моя, сестрица Суворочка!

Целую руки милостивой государыне Софье Ивановне, нижайше кланяюсь любезным сестрицам. Твое письмо от 7 сентября только ныне получил и благодарствую.

У нас сей ночи был большой гром, и случаются малые землетрясения. Ох, какая ж у меня горячка: так без памяти и упаду на траву, и по всему телу все пятна. Теперь очень здоров. Дичины, фруктов очень много, рыбы пропасть, такой у вас нет – прудах, озерах, реках и на Дунае; диких свиней, коз, цыплят, телят, гусят, утят, яблоков, груш, винограду. Орехи грецкие и Волоцкие поспели. С кофеем пьем буйвоное и овечье молоко. Лебеди, тетеревы, куропатки живые такие, жирные, синички ко мне в спальню летают. Знаешь ли рой пчелиный? У меня один рой отпустил четыре роя.

Будь благочестива, благонравна и здорова. Христа Спасителя благословение с тобою!
Отец твой Граф А.С.Р.».

«Берлад. 3 ноября 1789 г.

Ай да любезная сестрица. Ich kusse die Hande meiner gnädigster (целую ручки почтеннейшей) Софьи Ивановны, она твоя матушка. Je salue tres respectueusement avec devotion mes tres cheres soeurs (Почтительнейше и благоговейно приветствую моих любезнейших сестриц). У меня козочки, гуси, утки, индейки, петухи, тетерьки, зайцы; чижик умер. Я их выпустил домой. У нас еще листки не упали и зеленая трава. Гостинцев много: наливные яблоки, дули, персики, винограду на зиму запас. Сестрицы, приезжайте ко мне, есть чем подчевать: и гривенники, и червонцы есть. Что хорошего, душа моя сестрица? Мне очень тошно; я уж от тебя и не помню, когда писем не видал. Мне теперь досуг, я бы их читать стал. Знаешь, что ты мне мила; полетел бы в Смольный на тебя посмотреть, да крыльев нет. Куда, право, какая. Еще тебя ждать 16 месяцев, а там пойдешь домой. А как же долго! Нет, уже долго. Привози сама гостинцу, я для тебя сделаю бал. Кланяйся, как увидишь, Катерине Ивановне и обеим. Adieu, ma chere Comtesse (Прощай, моя любезная Графиня) Суворочка. Целую тебя, душа моя. Божие благословение с тобою.

Отец твой Граф

Александр Суворов-Рымникский».

«Берлад. 8 ноября 1789 г.

Comtesse de deux empires (Графиня двух Империй), любезная Наташа-Суворочка! В этом ай да надобно тебе всегда благочестие, благонравие, добродетель. Скажи Софье Ивановне и сестрицам: у меня горячка в мозгу, да кто и выдержит. Слышала, сестрица душа моя, еще de magnanime Mere (От моей Высочайшей Матери, т. е. от Императрицы) рескрипт на полулисте будто Александру Македонскому. Знаки Св. Андрея тысяч в пятьдесят, да выше всего, голубушка, Первый класс Св. Георгия. Вот таков твой папенька. За доброе сердце, чуть право от радости не умер. Божие благословенье с тобою.

Отец твой Граф

Александр Суворов-Рымникский».

«Май 1790 г.

... Сберегай в себе природную невинность, покамест не окончится твое учение. На счет судьбы своей предай себя вполне промыслу Всемогущего и, насколько дозволит тебе твое положение, храни неукоснительно верность Великой нашей Монархине. Я ея солдат, я умираю за мое отечество. Чем выше возводит меня ея милость, тем слаще мне пожертвовать собою для нея. Смелым шагом приближаюсь к могиле, совесть моя не запятнана. Мне шестьдесят лет, тело мое изувечено ранами, но Господь дарует мне жизнь для блага госу-

дарства. Обязан и не замедлю явиться пред Его судилище и дать за то ответ. Вот сколько разглагольствований, несравненная моя Суворочка, я бы запомнил, что я ничтожный прах и в прах обращусь. Нет, милая моя сестрица, я больше не видал Золотухина, быть может, с письмом твоим блуждает он среди морских просторов, бурных и коварных. Деньги, данные на гостинцы, ты могла бы употребить на фортепьяны, если Софья Ивановна не будет против. Да, душа моя, тебе пойти будет домой. Тогда, коли жив буду, я тебе куплю лучше с яблоками и французские конфеты. Я больше живу, голубушка сестрица, на форпостах, коли высочайшая служба не мешает, как прошлого году, а в этом еще не играли свинцовым горохом. Прости, матушка!

Милость Спасителя нашего над тобою.

Отец твой Г.А.С.Р.».

«Берлад. 20 мая 1790 г.

И я, любезная сестрица Суворочка, был тож в высокой скуке, да и такой черной, как у старцев кавалерские ребронды (Длинное платье с накидкой темных тонов). Ты меня своим крайним письмом от 17 апреля так утешила, что у меня и теперь из глаз течет. Ох, как же я рад, сестрица, что Софья Ивановна, слава Богу, здорова! Куда как она умна, что здорова. Поцелуй ей за меня ручки. Вот еще, душа моя, по твоему письму: ты уж умеешь рассуждать, располагать, намерять, решить, утверждать в Благочестии, Благодетельности, добродушии и просвещении от наук: знать, тебя много Софья Ивановна много хорошо сечет. У тебя другой батюшка, мой дядюшка Петр Васильевич. Как будешь видеть, ему руку поцелуй. Здравствуйте, мое солнце, мои звезды сестрицы. У нас в поле и в лесу дикая петрушка, пастернак, свекла, морковь, салаты, трава – зеленые спаржи и иного очень много. Великие овощи еще не поспели и фрукты. Гуси маленькие ай да такие выросли большие! Караси белые большие скрыпки, стрепеты да дунайские стерляди и овечье толстое молоко. Прости, сестрица Суворочка, Христос Спаситель с тобою.

Отец твой Г.А.С.Р.».

«Начало февраля 1791 г.

Да хранит тебя вечно богиня невинности. Положение твое переменяется. Помни, что вольность в обхождении рождает пренебрежение; остерегайся сего; привыкай к естественной вежливости, избегай подруг, острых на язык; где злословие, там, глядишь, и разврат. Будь сурова и немногословна с мужчинами. А когда они станут с тобой заговаривать, отвечай на похвалы их скромным молчанием. Уповай на провидение! Оно не замедлит утвердить судьбу твою... Я за это ручаюсь. Будешь ты бывать при Дворе и, если случится, что обступят тебя старики, покажи вид, что хочешь поцеловать у них руку, но своей не давай. Эти: Князь Потемкин, И. И. Шувалов, Графы Салтыковы, старики Нарышкины, старый Князь Вяземский, также Граф Безбородко, Завадовский, гофмейстеры, старый Граф Чернышев и другие».

«15 июля 1791 г.

Душа моя Наташа!

Божие благословение с тобою! Будь благочестива, благодетельна и в праздности не будь. Благодарю тебя за письмо с дядюшкой. Тетушке кланяйся. Как будто мое сердце я у тебя покинул. Ай да здесь у нас великое катанье на воде, в лесу на Каменных горах, и много очень хороших вещей: рыбы, диких птиц, цветов, маленьких цыплят жаль. Как наш колдун приехал к нам в гости, то и время теперь хорошее. Поют ласточки, соловьи и много птиц. Мы вчера кушали на острове. Завтре хотим плавать на немецкую обедню, а там пойдем далеко. Я везде буду тебя за глаза целовать. Кланяйся Софье Ивановне и Маргарите Яковлевне. Как

пойдешь куда гулять и придешь назад домой и будешь скакать дома, то помни меня, как я тебя помню.

Отец твой Г. Александр Суворов-Рымникский».

В феврале 1791 года дочь великого полководца закончила курс обучения в Смольном институте и временно была помещена у Агафьи Ивановны Хвостовой, своей двоюродной сестры. Но уже в марте ее назначили фрейлиной к самой императрице с содержанием 600 рублей в год. Поместили дочь Суворова там же, во дворце. Ужас охватил отца, и он обращается к дочери с наставлениями, разработав для нее целый кодекс правил. О чем говорится в его письмах.

Как пишет О. Михайлов, «появившись в столице в июле 1791 года, генерал-аншеф решил вытащить Наташу из дворца под тем предлогом, что желает ее видеть подле себя. Екатерина, хотя и с видимым неудовольствием, позволила ему забрать дочь – в этом поступке заметно было пренебрежительное отношение полководца к высшему свету. Затем Суворов вызвал из вологодской деревни сестру Марию Васильевну Олешеву и поместил с ней дочь в собственном доме на Итальянской улице. Он уже тогда задумал выдать Наташу замуж. К этому времени она была вполне богатой невестой: по духовной Суворов завещал ей все приобретенные имения, восемьсот тридцать четыре души крестьян мужского пола, “также все наличные деньги, сколько числом явится”».

Не мудрено, что у дочери такого известного военачальника, как Суворов, притом, что красавицей она не была, женихов было множество. Александр Васильевич и сам пытался выбрать будущего зятя, но, как обычно это бывает, дело это проморгал.

«Суворочка стала женой тридцатидвухлетнего генерал-поручика Николая Зубова, брата екатерининского фаворита.

Зубова не было в числе претендентов. Еще в 1793 году среди возможных женихов Наташи фигурировали молодой полковник граф Эльмпт, сын генерал-аншефа и боевого товарища Суворова, и князь Трубецкой, единственный наследник отставного генерал-поручика, владельца семи тысяч душ. Последнему Суворов скоро дал отставку, прослышав, что “князь А. Трубецкой пьет, его отец пьет и в долгах, родня строптивая, но паче мать его родная тетка Наташе двоюродная”. Оставался Эльмпт, к которому Суворов все более благоволил: “Он спокоен, не роскошен и не забияка; больше застенчив по строгому воспитанию, но умен и достоин; только по наружности стоит иногда фертом по-немецкому”.

Однако Эльмпт был устранен внезапным вмешательством двора, якобы по причине протестантского его исповедания. Суворов получил письмо от Платона Зубова, где говорилось, что императрице может показаться неприличным, если дочь знаменитого русского полководца, слывущего столь привязанным к вере и отечеству, будет выдана за иностранного иноверца. Истинная причина крылась в ином: вместе со славой Суворова вырастала и значимость его дочери, на которую зарились уже Зубовы. Сама императрица выступила свахой. Торжественное обручение Николая Зубова и Натальи Суворовой совершилось 8 февраля 1795 года в Таврическом дворце, а 29 апреля молодые были обвенчаны» (О. Михайлов).

Известно, что Суворов очень скоро разочаровался в своем зяте, а потому взаимоотношения между ними складывались не простые. В одном из писем Хвостову полководец отмечает: «Наташа отдана мужу, тако с ним имеет связь; он ко мне не пишет, я к ним не пишу, – Божие благословение с ними! Естественно, муж имеет связь с братьями; обоудно для брака муж и я имели связь, по совершении его она кончилась. Родство и свойство мое с долгом моим: Бог, Государь и Отечество».

Сын полководца Аркадий недолго воспитывался у матери. Впоследствии Александр Васильевич признал его, отметив чересчур уж большое сходство. По его настоянию мальчик был определен в семью своей сестры Натальи. Известно, что она искренне заботилась о

своем брате, однако тот хорошего образования не получил. Первая встреча отца с сыном состоялась летом 1797 года, когда графиня Наталья Зубова добилась разрешения на поездку в Кончанское, где жил опальный полководец.

Еще при императрице Екатерине Аркадий был зачислен в гвардию и назначен камер-юнкером к великому князю Константину Павловичу. При Павле четырнадцатилетнего юношу пожаловали в камергеры. В пятнадцать лет Аркадий прибыл в свите великого князя Константина на театр военных действий во время Итальянского похода отца, после чего и началась его военная карьера.

Как подчеркивает В. Рогоза, «наставники из числа офицеров в невысоких чинах, которых приставлял к нему отец, по-настоящему подготовить его к офицерской службе не смогли, ему пришлось постигать военную науку уже надев эполеты. Отсутствие отцовского влияния на воспитание сына сказывалось постоянно. Аркадий, имея похожий на отцовский взрывной характер, сильную волю и физическую крепость, не обладал отцовской принципиальностью и целеустремленностью, любил кутежи и картежную игру. За ним постоянно тянулись карточные долги, что чрезвычайно огорчало отца, не раз твердившего сыну: «Не подло бедно жить, а подло должно быть».

И все же наставления великого полководца, его настойчивость в воспитании сына оказались не напрасными. Еще при императоре Павле Аркадий Александрович был пожалован в генерал-адъютанты. Складом своего ума, характером и воинскими дарованиями он очень скоро стал напоминать своего отца. Более того, он обладал точно такой же способностью привязывать к себе солдат, точно такой же неустрашимостью и настойчивостью. Аркадию Александровичу предрекали великое будущее, но все оказалось намного прозаичнее. 13 апреля 1811 года командир дивизии генерал-лейтенант Суворов бросился в бурную реку Рымник, чтобы спасти своего утопавшего кучера. Однако, повредив себе руку, не смог выплыть и утонул в той самой реке, на берегах которой его отец одержал одну из самых блистательных побед. Ему было всего 26 полных лет. Благо после него остались два сына.

Муж Натальи Александровны и зять генералиссимуса Николай Зубов впоследствии стал активным участником заговора 1801 года. Это он нанес первый удар императору Павлу в висок – тяжелой золотой табакеркой. Прожил он недолго и умер в 1806 году, оставив вдову с шестью детьми.

В 1812 году дочь полководца покидала Москву и была остановлена французским патрулем. Когда те узнали, что она дочь великого Суворова, то не только пропустили ее, но и отдали ей – женщине – воинские почести.

Наталья Александровна умерла в Москве 30 марта 1844 года.

Примечательно, что внуки Александра Васильевича свято хранили память о нем. Именно внуками Суворова было собрано значительное количество подлинных материалов, отражающих жизнь и боевую деятельность своего великого деда.

Князь Трубецкой. Подвиг ради женщины

Узник секретного дома под номером девять

Сергей Васильевич Трубецкой был доставлен в Петербург 29 июня 1851 года. Сидя в экипаже под охраной, он предполагал, что его везут в III отделение. Однако, увидев Троицкий мост, все понял и заплакал. Тридцатишестилетнего князя везли в Петропавловскую крепость.

После его приема комендант Санкт-Петербургской крепости генерал-адъютант Набоков представил всеподданнейший рапорт:

«Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, что доставленный во исполнение Вашего Императорского Величества повеления отставной штабс-капитан князь Сергей Трубецкой сего числа во вверенной мне крепости принят и помещен в дом Алексеевского рavelина в покое под № 9-м».

На этом же рапорте император Николай Павлович начертал свою волю:

«Вели с него взять допрос, как он осмелился на сделанный поступок, а к Чернышеву – об наряде военного суда по 3 пунктам: 1) за кражу жены чужой; 2) кражу чужого паспорта; 3) попытку на побег за границу и все это после данной им собственноручной подписки, что вести себя будет прилично. О нем подробно донести, что говорит в свое оправдание и как и кому сдана под расписку».

Слезы молодого князя, боевого офицера, не однажды побывавшего в боях, были не случайны. Он прекрасно понимал куда его везут, но совершенно не знал, что там, в окутанной мраком Петропавловке была тюрьма, о внутренней жизни которой не ведали даже те, кто служил в крепости.

«Кто сидел там, этого не дано было знать не только чинам комендантского управления, но и тем, кто служил в этой самой тюрьме, – пишет П. Щеголев. – Для заключения в эту наисекретнейшую тюрьму и для освобождения отсюда нужно было повеление царя. Вход сюда был позволен коменданту крепости, шефу жандармов и управляющему III Отделением. В камеру заключенных мог входить только смотритель и только со смотрителем кто-либо другой. Попадая в эту тюрьму, заключенные теряли свои фамилии и могли быть называемы только номером. Когда заключенный умирал, то тело его ночью тайно переносили из этой тюрьмы в другие помещения крепости, чтобы не подумали, будто в этой тюрьме есть заключенные, а утром являлась полиция и забирала тело, а фамилию и имя умершему давали по наитию, какие придутся. Это тюрьма – Алексеевский рavelин Петропавловской крепости».

В сущности – это западный рavelин Петропавловской крепости. Он прикрывает Трубецкой (Пути Господни неисповедимы!) и Зотов бастионы, а также Васильевскую куртину и Васильевские ворота. Название дано в честь отца Петра I Алексея Михайловича. В 1769 году в рavelине была сооружена деревянная тюрьма, которая в 1797 году была заменена каменной тюрьмой на 20 камер – «Секретным домом». Среди заключенных рavelина – декабристы, петрашевцы, до 1884 года народовольцы. Многие из последних умерли во время одиночного заточения в период 1882–1884 гг. В 1884 году заключенные были переведены в Шлиссельбургскую крепость, после чего Алексеевский рavelин как тюрьма больше не использовался. В следующем году он был разрушен и проток Невы, создавший остров, завален землей.

Секретный дом представлял собой каменное, одноэтажное, треугольной формы здание. В нем насчитывалось 26 камер, только 20 или 21 использовались для одиночного заключения и именовались словно в насмешку – номерами. Часть камер была занята квартирою

смотрителя, цейхгаузом и библиотекой. В цейхгаузе хранилась личная одежда узников, а также некоторые вещи, отобранные при аресте.

О том, куда попал молодой князь Трубецкой, дают представление воспоминания узников Секретного дома. Например, вот что рассказывал о процедуре переодевания декабрист М. А. Бестужев:

«Меня раздели до нитки и облекли в казенную форму затворников. При мерцающем свете тусклого ночника тюремщики суетились около меня, как тени подземного царства смерти: ни малейшего шороха от их шагов, ни звука голоса, они говорили взорами и непонятным для меня языком едва приметных знаков. Казалось, что это был похоронный обряд погребения, когда покойника наряжают, чтобы уложить в гроб. И точно, они скоро меня уложили на кровать и покрыли меня одеялом, потому что скованные мои руки и ноги отказывались мне служить.

Дверь, как крышка гроба, тихо затворилась, и двойной поворот ключа скрипом своим напомнил мне о гвоздях, заколачиваемых в последнее домовище усопшего».

Жуткое описание камеры Секретного дома дает узник – народоволец М. Ф. Фроленко:

«Потолок, стены, когда-то выкрашенные в желтоватый цвет, покрылись сероватым налетом пыли и паутины. Паутина виднелась также во всех углах. Нижняя часть стены аршина на полтора облезла: штукатурка от сырости превращалась постепенно, как видно, в известковый пух».

О порядке жизни в Секретном доме можно судить по рассказам В. А. Обручева:

«Утром, вероятно в восьмом часу, слышались шаги и щелканье замков, и когда очередь доходила до моей двери, то появлялись четыре солдата: фельдфебель с ключами, щеголеватый ефрейтор и два рядовых. Фельдфебель стоял у двери, ефрейтор подавал мыться, один из рядовых протирал пол шваброй, а другой опрастывал куб. Умывальная процедура была, конечно, самая упрощенная, и вскоре после нее приносили в оловянном стакане и булку. Обед приносился на деревянной доске: кажется, только два блюда, суп или щи и нарезанное мясо в оловянной тарелке. При этом только деревянные ложки. Вечером опять чай. Смотритель заходил не слишком часто, очевидно, не имел права входить один...»

Одинокое заключение в Секретном доме описал в своих воспоминаниях декабрист А. П. Беляев:

«То полное заключение, какому мы сначала подвергались в крепости, хуже казни. Страшно подумать теперь об этом заключении. Куда деваться без всякого занятия со своими мыслями. Воображение работает страшно. Каких страшных чудовищных помыслов и образов оно не представляло! Куда не уносились мысли, о чем не передумал ум, а затем все еще оставалась целая бездна, которую надо было чем-нибудь заполнить».

«Мертвое молчание кругом, безответность сторожей, еле слышный бой часов на Петропавловском соборе – вот развлечение, – с возмущением расскажет об условиях заключения в Секретном доме М. В. Буташевич-Петрашевский. – Полумрак и холод – вот удобства помещения... По ночам отмыкаются и запираются двери казематов, в отдалении слышу шаги арестантов, ведомых к допросу...»

Сразу же после приема повели на допрос и князя Трубецкого.

«Государь император высочайше повелеть соизволил взять с вас допрос: как вы решились похитить чужую жену, с намерением скрыться с нею за границу, и как вы осмелились на сделанный вами поступок. Почему имеете объяснить на сем же, со всею подробностью и по истине, с опасением за несправедливость», – сказал узнику комендант Петропавловской крепости.

Князь вопрос понял и медленно, волнуясь, стал отвечать:

«Я решился на сей поступок, тронутый жалким и несчастным положением этой женщины. Зная ее еще девицей, я был свидетелем всех мучений, которые она претерпела в

краткой своей жизни. Мужа еще до свадьбы она ненавидела и ни за что не хотела выходить за него замуж. Долго она боролась, и ни увещевания, ни угрозы, ни даже побои не могли ее на то склонить. Ее выдали (как многие даже утверждают, несовершеннолетней) почти насильственно; и она только тогда дала свое согласие, когда он уверил ее, что женится на ней, имея только в виду спасти ее от невыносимого положения, в котором она находилась у себя в семействе, когда он ей дал честное слово быть ей только покровителем, отцом и никаких других не иметь с нею связей, ни сношений, как только братских. На таком основании семейная жизнь не могла быть счастливою: с первого дня их свадьбы у них пошли несогласия, споры и ссоры. Она его никогда не обманывала, как со свадьбы, так и после свадьбы; она ему и всем твердила, что он ей противен и что она имеет к нему отвращение. Каждый день ссоры их становились неприятнее, и они – ненавистнее друг другу; наконец, дошло до того, что сами сознавались лицам, даже совершенно посторонним, что жить вместе не могут. Она несколько раз просила тогда с ним разойтись, не желая от него никакого вспомоществования; но он не соглашался, требовал непременно любви и обращался с нею все хуже и хуже. Зная, что она никакого состояния не имеет, и – я полагаю, чтобы лучше мстить, – он разными хитростями и сплетнями отстранил от нее всех близких и успел, наконец, поссорить ее с матерью и со всеми ее родными».

«Нынешней весной уехал он в Ригу, чтобы получить наследство, и был в отсутствии около месяца. По возвращении своем узнал он через людей, что мы имели с нею свидания. Это привело его в бешенство, и, вместо того, чтобы отомстить обиду на мне, он обратил всю злобу свою на слабую женщину, зная, что она беззащитна. Дом свой он запер и никого не стал принимать. В городе говорили, что обходится с нею весьма жестоко, бьет даже, и что она никого не видит, кроме его родных, которые поносят ее самыми скверными и площадными ругательствами. Я сознаюсь, что тогда у меня возродилась мысль увезти ее от него за границу. Не знаю, почему и каким образом, но я имел этот план только в голове и никому его не сообщал, а уже многие ко мне тогда приставали и стали подшучивать надо мной, говоря, что я ее увезти хочу от мужа за границу. Эти шутки и все эти слухи многим способствовали решиться мне впоследствии ехать именно на Кавказ: я знал, что они до мужа дойдут непременно».

«Вскоре после сего узнал я, что он своим жестоким обращением довел ее почти до сумасшествия, что она страдает и больна, что он имеет какие-то злые помышления, что люди, приверженные ей, советовали ей не брать ничего из его рук, что он увозит ее за границу, не соглашаясь брать с собою не только никого из людей, бывших при ней, но даже брата, который желал ее сопровождать, и, наконец, что этот брат, верно, также по каким-нибудь подозрениям с своей стороны, объявил ему, что он жизнью своею отвечает за жизнь сестры».

«В это самое время я получил от нее письмо, в котором она мне описывает свое точно ужасное положение, просит спасти ее, пишет, что мать и все родные бросили ее и что она убеждена, что муж имеет намерение или свести ее с ума, или уморить. Я отвечал ей, уговаривая и прося думать только о своей жизни; вечером получил еще маленькую записочку, в которой просит она меня прислать на всякий случай, на другой день, карету к квартире ее матери».

«Я любил ее без памяти; положение ее доводило меня до отчаяния; – я был как в чаду и как в сумасшествии, голова ходила у меня кругом, я сам хорошенько не знал, что делать: тем более, что все это совершилось менее, чем за 24 часа. Сначала я хотел ей присоветовать просить убежища у кого-нибудь из своих родных, но как ни думал и как ни искал, никого даже из знакомых приискать не мог; тогда я вспомнил, что когда-то хотел с Федоровым ехать вместе в Тифлис. На другое же утро я заехал к нему, дома его не застал; подорожная была на столе, я ее взял и отправился тотчас же купить тарантас. Я так мало уверен был ехать,

что решительно ничего для дороги не приготовил. Тарантас послал на Московское шоссе, а карету послал на угол Морской с Невским. Она вышла от матери, среди белого дня, около шести часов; мы выехали за заставу в городской карете, потом пересели в тарантас и отправились до Москвы на передаточных, а от Москвы по подорожной Федорова. Я признаюсь, что никак не полагал делать что-либо противозаконное или какой-нибудь проступок против правительства; думал, что это частное дело между мужем и мною, и во избежание неприятностей брал предосторожности только, чтобы он или брат ее как-нибудь не открыли наших следов и не погнались за нами. Что мы не желали бежать за границу, на то доказательствами могут служить факты. Во-первых, за границу она должна была сама ехать; мне было гораздо проще и легче пустить ее и ехать после. Во-вторых, если бы имели намерение бежать за границу, то, во всяком случае, мы бы торопились и не ехали так тихо. От Тифлиса до Редут-Кале мы ехали 9 дней, везде останавливались, везде ночевали, между тем как из Тифлиса есть тысяча средств перебраться за границу в одни сутки, через сухую границу, которая в 125 верстах. В-третьих, когда нас арестовали в Редут-Кале, у нас была нанята кочерма или баркас в Потти и с нами должен был отправиться таможенный унтер-офицер, которого по тамошнему называют гвардионом. В Потти ожидали два парохода, которые должны были отправиться в Одессу. В-четвертых, наконец, у нас было слишком мало денег и никаких решительно бумаг, кроме подорожной Федорова, которая ни к чему не могла служить. Что подало повод этим слухам, это, я полагаю, бумага, по которой нас остановили и в которой было сказано арестовать: меня с женщиною, старающихся перебраться через границу, похитив 400 тысяч серебром и брильянтов на 200 тысяч серебром. Из-за нее мы теперь слышим по всему Кавказу за беглецов и воров».

«Когда мы ехали отсюда, я желал только спасти ее от явной гибели; я твердо был убежден, что она не в силах будет перенести слишком жестоких с нею обращений и упадет в чахотку или лишится ума. Я никак не полагал, чтобы муж, которого жена оставляет, бросает добровольно, решился бы идти жаловаться. Мы хотели только скрываться от него и жить где-нибудь тихо, скромно и счастливо. Клянусь, что мне с нею каждое жидовское местечко было бы в тысячу раз краснее, чем Лондон или Париж. Я поступил скоро, необдуманно и легкомыслием своим погубил несчастную женщину, которая верила мне свою участь».

Надо сказать, что Трубецкой ничего не рассказал про участие в побеге своего друга отставного штаб-ротмистра Федорова. Он еще не знал, что Федоров давно арестован и дал генералу Л. В. Дубельту абсолютно правдивые показания. О чем тот непременно доложил в рапорте:

«Отставной штаб-ротмистр Федоров, которого я долго допрашивал, уверяет честным словом, что похищение жены Жадимировского совершилось следующим образом: князь Трубецкой просил Федорова стать с каретою у английского магазина и привезти к нему ту женщину, которая сядет ему в карету».

«Федоров желал знать, кто та женщина, но Трубецкой отвечал, что скажет ему о том завтра, и Федоров, не подозревая, чтоб тут было что-либо противозаконного, согласился на просьбу Трубецкого, приехал к английскому магазину и лишь только остановился, то женщина, покрытая вуалем, села к нему в карету и сказала: «*Au nom de Dieu; depechons nous*».

«Федоров, дав князю Трубецкому слово не смотреть на нее и не говорить с нею, сдержал слово и привез ее к Трубецкому, который ожидал ее у ворот Федорова дома. Тут карета остановилась, она вышла и, быв встречена Трубецким, сейчас с ним удалилась».

«Далее, утверждает Федоров, он ничего не знает. Что же касается до того, что по открытым следам князь Трубецкой уехал в Тифлис, то это Федоров объясняет так: он, по болезни, хотел ехать на Кавказ и оттуда посетить Тифлис; для этого он приготовил себе подорожную, которая и лежала у него в кабинете на столе, и только на другой день побега Трубецкого заметил он, что подорожная у него похищена».

«Подорожная Федорова, взятая им под предлогом поездки в Тифлис, бросает на него тень сильного подозрения, что он знал о намерении князя Грубецкого и способствовал его побегу, но, несмотря на то, что я именем государя требовал говорить истину, он, без малейшего замешательства, клянясь богом и всеми святыми, утверждал, что более того, что пояснено им выше, ему ничего не известно».

Госпожа Жадимировская

Приметы бежавшей: «Госпожа Жадимировская очень молода, весьма красивой наружности, с выразительными глазами».

Как вспоминала А. И. Соколова, в ее бытность в Смольном монастыре, в числе ее «подруг по классу была некто Лопатина, к которой в дни посещения родных изредка приезжала ее дальняя родственница, замечательная красавица, Лавиния Жадимировская, урожденная Бравур».

«Мы все ею любовались, да и не мы одни, – уточняет Соколова. – Ею, как мы тогда слышали, – а великосветские слухи до нас доходили и немало нас интересовали, – любовался весь Петербург.

Рассказы самой Лопатиной нас еще сильнее заинтересовали, и мы всегда в дни приезда молодой красавицы чуть не группами собирались взглянуть на нее и полюбоваться ее характерной, чисто южной красотой. Жадимировская была совершенная брюнетка, с глгучими глазами креолки и правильным лицом, как бы резцом скульптора выточенным из бледно-желтого мрамора.

Всего интереснее было то, что, по рассказам Лопатиной, Лавиния с детства была необыкновенно дурна собой; это приводило ее родителей в такое отчаяние, что мать почти возненавидела ни в чем не повинную девочку, и ее во время приемов тщательно прятали от гостей.

Вообще в то время в высшем кругу, к которому принадлежало семейство Бравуров, не принято было не только вывозить, но даже и показывать молодых девушек до момента их выезда в свет, и в силу этого никого из тех, кто знал, что в семье растет дочь, не могло удивить ее постоянное отсутствие в приемных комнатах отца и матери.

Между тем девочка подрастала и настолько выравнивалась, что к 14 годам была уже совсем хорошенькая, а к 16 обещала сделаться совершенной красавицей.

В этом именно возрасте Лавинию в первый раз взяли в театр в день оперного спектакля, и то исключительное внимание, какое было вызвано ее появлением в ложе, было принято наивной девочкой за выражение порицания по поводу ее безобразия и вызвало ее горькие слезы...

В тот же вечер все объяснилось... Тщеславная и легкомысленная мамаша поняла, что красота ее дочери отныне будет предметом ее гордости, и Лавиния начала появляться на балах, всюду приводя в восторг своей незаурядной красотой.

Когда ей минуло 18 лет, за нее посватался богач Жадимировский, человек с прекрасной репутацией, без ума влюбившийся в молодую красавицу.

Приданого он не потребовал никакого, что тоже вошло в расчет Бравуров, дела которых были не в особенно блестящем положении, – и свадьба была скоро и блестяще отпразднована, после чего молодые отправились в заграничное путешествие.

По возвращении в Петербург Жадимировские открыли богатый и очень оживленный салон, сделавшийся сосредоточением самого избранного общества».

Алексею Ивановичу Жадимировскому было всего 22 года, когда он обвенчался с девицей Лавинией Александровной Бравур католического исповедания 17 лет, падчерицей управляющего английским магазином. Венчание состоялось 27 января 1850 года. Алексей являлся сыном коммерции советника и кавалера Ивана Алексеевича Жадимировского. Лавиния действительно его не любила.

Свою трагическую историю она поведаает уже после задержания:

«Я вышла замуж за Жадимировского по моему собственному согласию, но никогда не любила и до нашей свадьбы откровенно говорила ему, что не люблю его. Впоследствии его

со мною обращение было так невежливо, даже грубо, что при обыкновенных ссорах за безделицы он выгонял меня из дома, и, наконец, дерзость его достигла до того, что он угрожал мне побоями. При таком положении дел весьма естественно, что я совершенно охладела к мужу и, встретившись в обществе с князем Трубецким, полюбила его. Познакомившись ближе с Трубецким, не он мне, а я ему предложила увезти меня, ибо отвращение мое к мужу было так велико, что если бы не Трубецкому, то я предложила бы кому-либо другому спасти меня. Сначала он не соглашался, но впоследствии, по моему убеждению, согласился увезти меня, и карета была прислана за мною. Меня привезли к дому Федорова, но знал ли Федоров наши условия с Трубецким, мне решительно неизвестно. У дома Федорова встретил меня Трубецкой; мы вышли за заставу, где ожидал нас тарантас, и, таким образом, отправились мы по дороге к Москве. Следовали мы по подорожной Федорова, и, как я слышала, князь Трубецкой заплатил будто бы Федорову за его подорожную девятьсот рублей серебром. Другой причины к моему побегу не было, и другого оправдания привести я не могу, кроме той ненависти, которую внушил мне муж мой».

В своем рапорте, доложенном императору Николаю, жандармский поручик Чулков, участвовавший в погоне за беглецами, указал:

«Жена Жадимировского, во время следования из Редут-Кале до Тифлиса, чрезвычайно была расстроена, непрерывно плакала и даже не хотела принимать пищу. От Тифлиса до С.-Петербурга разговоры ее заключались только в том: что будет с князем Трубецким и какое наложат на него наказание. Проводила ее в тревогу одна только мысль, что ее возвратят мужу; просила, чтобы доставить ее к генерал-лейтенанту Дубельту, и при уверении, что ее везут именно в III Отделение, успокаивалась. Привязанность ее к князю Трубецкому так велика, что она готова идти с ним даже в Сибирь на поселение; если же их разлучат, она намерена провести остальную жизнь в монашестве. Далее и непрерывно говорила она, что готова всю вину принять на себя, лишь бы спасти Трубецкого. Когда брат ее прибыл в Царское Село для ее принятия, он начал упрекать ее и уговаривать. Чтобы забыла князя Трубецкого, которого поступки, в отношении к ней, так недобросовестны. Она отвечала, что всему виновата она, что князь Трубецкой отказывался увозить ее, но она сама на том состояла. Когда привезли ее к матери, то она бросилась на колени и просила прощения, но и тут умоляла, чтобы ее не возвращали к мужу. Расписку г-жи Кохун (матери Жадимировской) при сем представить честь имею».

Доложил свое мнение царю и сам генерал Дубельт:

«Я расспрашивал г-жу Жадимировскую, и, кроме изложенных в прилагаемой записке обстоятельств, она решительно ничего не показывает, кроме некоторых подробностей о дурном с нею обращении мужа, которое доходило до того, что он запирает ее и приказывал прислуге не выпускать ее из дома. Ей 18 лет, и искренности ее показания, кажется, можно верить, ибо она совершенный ребенок. Мать и отчим Жадимировской приносят свою благоговейную признательность государю императору за возвращение им дочери и за спасение ее еще от больших, угрожающих ей несчастий».

В общем беглецов нашли, всех расспросили и допросили, Жадимировскую вернули родителям, Трубецкого посадили в одиночную камеру Секретной тюрьмы Петропавловской крепости. Словом, во всем разобрались, все выяснили и определили виновного. Но в этой истории остается один непонятный вопрос: почему Николай I поручил заниматься этим делом III Отделению, а не полиции? Ведь задачей Третьего отделения и корпуса жандармов являлся контроль за положением в стране, состоянием умов в ней, деятельностью госаппарата, активное участие в подавлении крестьянских и рабочих волнений.

«За четверть века своего существования Третьего отделения и корпус жандармов эволюционировали в одно из ведущих высших государственных учреждений, имевшее отношение практически ко всем сторонам общественной жизни страны и в первую очередь к

охранительно-репрессивной политике самодержавия», – пишет автор книги «Тайная полиция России» А. Г. Чукарев. При этом, «нравственно-политические отчеты Третьего отделения в этот период говорят о безотрадном и неутешительном противостоянии этого ведомства с лихоимством, произволом и взяточничеством чиновников».

Тогда при чем здесь похищение чужой жены с ее собственного согласия и побег влюбленных в Тифлис? Судя по всему, император Николай преследовал в этом деле свой личный интерес. И дальнейшая судьба князя Трубецкого говорит об этом, как нельзя лучше.

Но вернемся к воспоминаниям А. И. Соколовой, которые увидели свет в 1910 году:

«В те времена дворянство ежегодно давало парадный бал в честь царской фамилии, которая никогда не отказывалась почтить этот бал своим присутствием.

На одном из таких балов красавица Лавиния обратила на себя внимание императора Николая Павловича, и об этой царской “милости”, по обыкновению, доведено было до сведения самой героини царского каприза. Лавиния оскорбилась и отвечала бесповоротным и по тогдашнему времени даже резким отказом. Император поморщился... и промолчал.

Он к отказам не особенно привык, но мирился с ними, когда находил им достаточное «оправдание». Прошло два или три года, и Петербург был взволнован скандальной новостью о побеге одной из героинь зимнего великосветского сезона, красавицы Лавинии Жадимировской, бросившей мужа, чтобы бежать с князем Трубецким, человеком уже не молодым и вовсе не красивым...

Дело это наделало много шума, и о нем доложено было государю.

Тут только император Николай в первый раз сознательно вспомнил о своей бывшей неудаче и, примирившись в то время с отказом жены, не пожелавшей изменить мужу, не мог и не хотел примириться с тем, что ему предпочли другого, да еще человека не моложе его годами и во всем ему уступавшего. Он приказал немедленно пустить в ход все средства к тому, чтобы разыскать и догнать беглецов, и отдал строгий приказ обо всем, что откроется по этому поводу, немедленно ему доносить».

Николай Павлович действительно был небезразличен к женской красоте. Как утверждает один из его современных биографов, Л. Выскочков, при Николае I «значительные суммы тратились на закупку с помощью комиссионеров фривольных рисунков. Они поступали в запечатанных конвертах в “секретную библиотеку” императора, так что к концу жизни он, по мнению исследовательницы истории императорской библиотеки, стал обладателем одной из самых больших коллекций эротической графики. В запасниках Павловского дворца-музея хранится одно из эротических полотен Карла Брюллова “Вакханалия”. Вероятнее всего, эта картина принадлежала императору Николаю I. Она закрыта сверху литографией с изображением томной молодой красавицы, возлежащей в прозрачных одеждах. В золоченой раме есть замок, нужно повернуть маленький ключик – и картина откроется как книга. Молодая дама уступит место вакханалии с изображением Вакха, нетрезвых купидонов и вакханок, предающихся любви с ослом и с сатирами. Авторство Брюллова не оспаривается, хотя “Вакханалия” им не подписана».

По воспоминаниям современников, Николай Павлович вызывал восхищение женщин даже в зрелом возрасте:

«Леди Блумфильд оставила следующую запись, датированную 8 мая 1846 года: “Я встретила императора Николая в первый раз на спектакле у Воронцовых-Дашковых... Он, бесспорно, был самый красивый человек, которого я когда-либо видела, и его голос и обхождение чрезвычайно обаятельны... Различие в манерах, когда он разговаривает с дамами и когда командует войсками, поразительно».

Есть и другие примеры, которые приводит в своей книге Л. Выскочков:

«В более привычной обстановке двора Николай Павлович умел быть не только изысканно вежливым, но еще и остроумным; он расточал комплименты, изредка нарушая требо-

вания этикета. Однажды на костюмированном балу у Елены Павловны (супруги Михаила Павловича) император примостился у ног Александры Федоровны, сидевшей в окружении фрейлин, и начал заигрывать с восемнадцатилетней Сайн-Витгенштейн. Другой раз при разъезде он попытался сесть в карету одной из фрейлин, но блюстительница двора Михаила Павловича Е. В. Апраксина... схватила императора за фалды, и он должен был уступить.

Над великосветскими дамами Николай Павлович подшучивал иногда с плохо скрытой иронией...»

«Обычно же император, напротив, всегда был изысканно вежлив, обращаясь к женщинам на “Вы” независимо от возраста, как, например, к тринадцатилетней М. П. Фредерикс. Да и разговаривал он с ними в основном по-французски. Авторитет женщин оберегался при Николае I даже в театральных постановках. Впрочем, так обстояло дело в обществе. На маневрах же, в поле, где дамам было не место, он мог и похулиганить. Вспоминая один из смотров 40-х годов, бывший кадет Л. Ушаков писал: “В конце лагеря государь делал смотр отряду и в середине смотра, дав “вольно”, слез с лошади (за ним во фронте были знамена) и отправил естественную надобность, повернувшись к веренице экипажей, наполненных блестящими дамами, которые тотчас же прикрылись зонтиками”».

Не хулиганства ради император привез из-за границы коллекцию поясов верности...

Более того, за государем подчас водились и маленькие анекдотические увлечения, которые он сам, бесцеремонно, называл «дурачествами» или «васильковыми дурачествами». Об одном из таких «васильковых дурачеств» рассказывал однажды Ф. И. Тютчев. Николай ежедневно прогуливался по Дворцовой набережной. И вот вставая на рассвете, он сначала занимался делами, кушал чай и около 8-ми часов утра уже принимал первые доклады. А ровно в 9 выходил из дворца и следовал по набережной, проходя во всю ее длину несколько раз. Во время одной из таких прогулок в своей обычной офицерской шинели Николай Павлович стал встречать девушку с нотной папкой, которая спешила на уроки музыки, чтобы содержать своего ослепшего отца – бывшего музыканта. Император начал раскланиваться при встрече. Завязалось знакомство, а вскоре она пригласила его к себе домой на Гороховую улицу. Николай Павлович согласился, решив, что девица не признала в нем императора. И вот он осторожно поднимается по достаточно грязным ступенькам, издали слышит звуки музыки и ощущает какой-то странный запах... Подходит к двери, где значится фамилия отца той самой девицы, дергает за железную ручку. Но выглянувшая кухарка не пустила его на порог, заявив, что «барышня» ждет самого императора: «Так вы по вашему офицерскому чину и уходите подобру-поздорову». И император удалился, сказав ей: «Ну, так скажи своей... королеве-барышне, что она дура!»

Со слов Тютчева, император сам рассказывал об этой неудачной экскурсии своим приближенным и признавал ее самой глупой из всех своих «васильковых дурачеств».

Автор книги «Николай I» Л. Выскочков считает, что поведение Николая Павловича вполне укладывалось в понятие «любовный быт Пушкинской эпохи». «Его “Донжуанский список” вряд ли превосходил список, составленный А. С. Пушкиным», – утверждает биограф царя.

По поводу истории с беглецами, он, в частности, пишет: «Случались у Николая Павловича и афронты, как в случае с красавицей Лавинией Жадимировской, урожденной Бравур, которая бежала от мужа с князем Трубецким, предпочтя его императору. Но это был уже открытый вызов общественному мнению и благопристойности в понимании Николая Павловича».

Одну из историй отношения императора к несговорчивым красоткам, приводит все та же А. Соколова: «...известен также случай с княгиней Софьей Несвицкой, урожденной Лешерн, которой тоже была брошена покойным императором перчатка, и также неудачно.

Красавица собой, дочь умершего генерала, блестящим образом окончившим курс в одном из первых институтов, молодая Лешерн имела за собой все для того, чтобы составить блестящую карьеру, но она увлеклась молодым офицером Преображенского полка, князем Алексеем Яковлевичем Несвицким, и... пожертвовала ему собой, в твердой уверенности, что он сумеет оценить ее привязанность и даст ей свое имя.

Расчет ее на рыцарское благородство князя не оправдался, он не только не сделал ей предложения, но совершенно отдалился от нее, ссылаясь на строгий запрет матери.

Несчастливая молодая девушка осталась бы в положении совершенно безвыходном, ежели бы не вмешательство великого князя Михаила Павловича, всегда чутко отзывавшегося на всякое чужое горе и тщательно охранявшего честь гвардейского офицера.

Справедливо найдя, что мундир, который носил князь Несвицкий, сильно скомпрометирован его поступком с отдавшейся ему молодой девушкой, Михаил Павлович вызвал Несвицкого к себе, строго поговорили с ним и, узнав от него, что мать действительно дает ему самые ограниченные средства к жизни, выдал ему на свадьбу довольно крупную сумму из своих личных средств, вызвавшись при этом быть посаженным отцом на его свадьбе.

Гордая и самолюбивая, старая княгиня так и не признала невестки и никогда не виделась с нею, даже впоследствии.

Первое время после свадьбы “молодая” была, или, точнее, старалась быть счастливой, но муж стал скоро тяготиться семейной жизнью и изменял жене у нее на глазах.

К этому времени относится первая встреча молодой княгини с императором Николаем. Государь увидел ее на одном из тех балов, которые в то время давались офицерами гвардейских полков и на которых так часто и охотно присутствовали высочайшие гости.

Замечательная красота княгини Софьи бросилась в глаза императору, и он, стороной разузнав подробности ее замужества и ее настоящей жизни, сделал ей довольно щекотливое предложение, на которое она отвечала отказом. Государь примирился с этим отказом, приняв его как доказательство любви княгини к мужу и желание остаться ему непоколебимо верной. Но он ошибался.

Молодой женщине император просто не нравился, как мужчина, и спустя два года, встретивши человека, которому удалось ей понравиться, она отдалась ему со всей страстью любящей и глубоко преданной женщины.

Избранник этот был флигель-адъютант Бетанкур, на которого обрушился гнев государя, узнавшего о предпочтении, оказанном ему перед державным поклонником.

Бетанкур был человек практический; он понял, что хороших женщин много, а император один, и через графа Адлерберга довел до сведения государя, что он готов навсегда отказаться не только от связи с княгиней Несвицкой, но даже от случайной встречи с ней, лишь бы не лишаться милости государя.

Такая «преданность» была оценена, Бетанкур пошел в гору, а бедная молодая княгиня, брошенная и мужем и любовником, осталась совершенно одна и сошла со сцены большого света, охотно прощающего все кроме неудачи. Прошли года...

Состарился государь... Состарилась и впала в совершенную нищету и бывшая красавица Несвицкая, и бедная, обездоленная, решила подать на высочайшее имя прошение о вспомоществовании.

Ей, больной, совершенно отжившей и отрешившейся от всего прошлого, и в голову не приходило, конечно, никакое воспоминание о прошлом, давно пережитом... Но не так взглянул на дело государь. Первоначально он, узнав из доклада управляющего комиссией о прошении, что просьба идет от особы титулованной, назначил сравнительно крупную сумму для выдачи, но в минуту подписания бумаги, увидав на прошении имя княгини Несвицкой, рожденной Лешерн, порывистым жестом разорвал бумагу, сказав:

– Этой?! Никогда... и ничего!!»

Словом, и этот пример, каких было немало, говорит, прежде всего, о мстительной натуре императора. Однако в случае с Жадимировской и Трубецким Николай Павлович мстил почему-то князю. Заметим не женщине, а мужчине. И мстил более чем страшно...

Князь Сергей Васильевич Трубецкой

Приметы бежавшего: «Князь Трубецкой высокого роста, темно-русый, худощав, имеет вид истощенного человека, носит бороду».

Он родился в 1815 году в семье генерала от кавалерии, сенатора князя Василия Сергеевича Трубецкого (1776–1841). «Из природных российских князей». Василий Сергеевич участвовал в кампании 1805 г. адъютантом самого Багратиона. В 1806 г. состоял при командующем русскими войсками. В Отечественную войну 1812 г. был генерал-адъютантом при императоре Александре I. Слыл храбрым и стойким офицером и генералом. За несколько лет до кончины возглавил «Комитет о разборе и призрении нищих». Мать Сергея – Софья Андреевна Вейс была дочерью простого виленского полицмейстера. Трубецкие были очень близки ко двору. Кроме Сергея у них было еще четыре сына и шесть дочерей. Старший брат Александр (1813–1889), штаб-ротмистр Кавалергардского полка, был фаворитом императрицы Александры Федоровны, которая нежно называла его «Бархатом». Сестра Мария (1819–1895), известная красавица, была фрейлиной двора.

Сергея, как дворянина из знатного рода, уже с отрочества записали в камер-пажи, а осенью 1833 года он становится корнетом Кавалергардского полка. Служба в гвардии, при дворе в мирное время не была особенно тягостной. Молодые кавалергарды все свободное время проводили весело и шумно. Не исключением стал и корнет Трубецкой, фамилия которого все чаще и чаще стала попадать в штрафной журнал полка. Сначала его «шалости» были «мелкими»: курение не вовремя трубки перед фронтом полка, прогулки рядом с подпрапорщиком, отлучки с места дежурства. Но вскоре появляется уже не «шалость», а проступок, совершенный им совместно со штаб-ротмистром Кротковым:

«11 числа сего месяца, узнав, что графиня Бобринская с гостями должны были гулять на лодках по Большой Неве и Черной речке, вознамерились в шутку ехать им навстречу с зажженными факелами и пустым гробом...» (Записано 14 августа 1834 года).

Именно за это в сентябре 1834 года Трубецкого переводят в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, откуда «после исправления» возвращают обратно в декабре того же года.

Следующий проступок Сергей совершает вместе с двумя офицерами:

«За то, что после вечерней зори во втором часу на улице в Новой деревне производили разные игры не с должной тишиной, арестованы с содержанием на гауптвахте впредь до приказания» (1 сентября 1835 года).

Были и другие «шалости»:

«...Веселая компания молодежи то пробиралась ночью в палисадник хорошенькой дачки, занимаемой одной известной тогда итальянской певицей, и, сняв осторожно ставни, любовалась ночным туалетом красавицы, устраивала засады в женских купальнях... одна из которых имела место быть в имении графини Ю. П. Самойловой Славянке. Дело было в следующем: на потеху кавалергардам Самойлова устроила состязание между своими крестьянками – какая первой вскарабкается на высокий шест, к верхушке которого привязали сарафан и повойник, той эти призы и достанутся».

В общем все шалости осенью 1835 года закончились для Трубецкого и его товарищей арестом. А после последовал перевод из Петербурга в Орденский кирасирский полк на юг под личное наблюдение начальника всех военных поселений в Новороссии И. О. Витта, хорошо известного своей шпионской деятельностью.

Только через два года, за которые он должен был остепениться, в 1837 году поручик Трубецкой вернется в столицу снова корнетом, но уже лейб-гвардии Кирасирского ее Величества полка. Как подчеркивает автор книги «Судьба Лермонтова» Э. Г. Герштейн, «Два года, которые С. Трубецкой прослужил там в Орденском кирасирском полку, отмечены система-

тическими “секретными”, “весьма нужными” предписаниями от имени царя об усилении строжайшего надзора за ненавистным ему офицером».

И снова с ним происходит неприятная история, о которой не говорили в Петербурге только ленивые. Офицер лейб-гвардии Гродненского гусарского полка А. И. Арнольди вспоминал:

«Сергей Трубецкой, бывший в армии, соблазнил дочь генерал-лейтенанта П. К. Мусина-Пушкина, был обвенчан с нею по приказанию государя Николая Павловича».

«Весь Петербург теперь только занят обрюхатевшею фрейлиной Пушкиной, – писал московский почт-директор А. Я. Булгаков. – Государь всегда велик во всех случаях. Узнавши, кто сделал брюхо, а именно князь Трубецкой, молодой повеса... он их повелел обвенчать и объявил, что она год, как тайно обвенчана... Экой срам!».

«Нужно тебе рассказать последнюю новость, – сообщала своему мужу двоюродная сестра Трубецкого С. А. Бобринская 1 февраля 1838 г. – Ту, которая занимает все умы, как когда-то наводнение, как пожар Дворца, как смерть Пушкина год тому назад – как, наконец, все, что выходит за рамки обычной жизни, как неслыханная и ужасная катастрофа, – это женитьба Сергея Трубецкого на мадемуазель Пушкиной! Да, да – они женаты, она поселена в доме своего дяди, и не далее как сегодня утром тетя привела ее ко мне, и я насколько могла устроила своей новой кухне самый радушный прием».

Со слов П. А. Вяземского, «Катрин Пушкина пошла, глупа, как мало женщин на земле, – ни зернышка здравого смысла в голове и никаких принципов поведения в сердце. Тот, кто женится на ней, будет отъявленным болваном, над которым она же не стеснясь станет издеваться, обуреваемая страстью к десяти другим, ибо в этом она превзошла всех». Он же сообщал А. И. Тургеневу следующее: «Для большей однако же достоверности, скажут, что еще раз их здесь переревенчали. Легко понять, какой это был удар Трубецкой-матери! Она дни три после того не плясала».

Николай I хоть и «насильно обвенчал» князя Трубецкого с Екатериной Петровной Мусиной-Пушкиной (1816–1897) – фрейлиной, «главной Павловской красавицей», все же их семейная жизнь не получилась. Потому что, главной причиной этой новой беды князя стал «весьма ощутимый срок беременности» невесты и ее положение при дворе. Сергей не любил супругу, а встречался с ней или встретился один раз, все из-за той же «шалости».

Несмотря на то, что венчание молодых проходило в Царском Селе, а в свадьбе принимал непосредственное участие сам император, молодые разъехались уже летом 1838 года, сразу же после рождения дочери Софьи. Причем дочери Екатерины Петровны от самого Николая I...

В конце декабря 1839 года Трубецкого переводят на Кавказ, снова якобы за «шалости», за крайнюю недисциплинированность и дерзкие выходки. По словам Э. Г. Герштейна, «Царь систематически и упорно преследовал Сергея Трубецкого». «9 февраля 1840 года Ермолов рекомендует С. Трубецкого своему бывшему адъютанту, назначенному командующим войсками на кавказской военной линии, П. Х. Граббе. Сергей Трубецкой был известен оставленному от дел полководцу, «по отзывам многих», как «молодец и весьма неглупый». «Разные обстоятельства понудили его оставить выгоды служения в гвардии, – пишет Ермолов, – и искать сколько возможно вознаградить потери с доброй волею, пламенным усердием решаясь посвятить себя всем трудам службы и опасностям, с нею сопряженным. Возьми под сильное покровительство свое молодого сего человека и время от времени останови внимание твое на том, который все употребит усилия его сделаться достойным. Употребь его так, чтобы не был он праздным. У тебя нет недостатка в случаях доставить занятие, а он хорошо весьма знает, что никаким другим образом ничего у тебя не достанет. По сей причине я не затруднился просить тебя о нем»».

11 июля 1840 года Трубецкой, «прикомандированный по кавалерии к Гребенскому казачьему полку», в сражении при Валерике вместе с Д. П. Фредериксом был направлен к левой штурмовой колонне и «первые бросились вперед, одушевляя окружающих солдат примером неустранимости». В этом сражении Сергей был тяжело ранен в шею.

«Осенью 1840 года Трубецкой пробыл до ноября в Ставрополе, где так же, как Лермонтов, Монго-Столыпин, Ламберт, Канкрин и А. Долгорукий, посещал дом Вревского, – уточняет Э. Г. Герштейн. – В октябре Трубецкой получил разрешение на отпуск в Петербург, но не смог своевременно им воспользоваться по болезни. Уже в январе, ожидая в Бахмуте официального перенесения срока отпуска, он получил известие о смертельной болезни отца. Не дождавшись ответа, он ринулся в Петербург, приехал туда 20 февраля 1841 года, но опоздал. Старого князя В. С. Трубецкого похоронили 12 февраля. Николай I был при выносе, потом провожал тело верхом, во главе кавалергардского полка...

...но ничто не смогло смягчить неугасающий гнев Николая на Сергея Трубецкого. Придравшись к тому, что сын покойного приехал в феврале в Петербург, не имея официального разрешения, царь подверг его мелочной и жестокой опеке.

В ответ на просьбу Трубецкого о продлении отпуска для лечения от раны и устройства дел по смерти отца Николай I приказал освидетельствовать больного лейб-медику Вилье. «Это необыкновенное счастье, – писал последний, – что пуля скользнула, так сказать, или только задела дыхательное горло, а не пробил его насквозь; иначе последствия такого ранения могли бы быть смертельными».

По распоряжению Вилье Трубецкого оперировали. Пуля была вынута. Лейб-медик сообщал, что для окончательного излечения понадобится три месяца. Однако 28 февраля Клейнмихель послал Вилье «высочайшее повеление», чтобы он, Вилье, «каждую неделю лично осматривал сего офицера», и, – добавлял Клейнмихель, – «коль скоро найдете рану его в таком положении, что путешествие в экипаже ему вредно не будет, уведомили бы о том меня, для всеподданнейшего Его Величеству доклада и распоряжения о выезде князя Трубецкого к месту его служения на Кавказе». Этими строжайшими мерами Николай I не ограничился. Он посадил Трубецкого под домашний арест. Об этом офицера извещал Клейнмихель: «Государь император по всеподданнейшему докладу отзыва главного инспектора медицинской части по армии о сделанной вам операции высочайше повелеть соизволил: дозволить вам остаться здесь для пользования до возможности отправиться к полку в экипаже, но предписать вам, чтобы вы ни под каким предлогом во время вашего лечения из квартиры вашей не отлучались, так как вы прибыли сюда без разрешения начальства».

В деле сохранился доклад Вилье о состоянии здоровья оперированного Трубецкого, на котором рукой военного министра Чернышева написано: «Доложено Его Величеству 22 марта». Эти всеподданнейшие доклады об одном офицере продолжались до самого отъезда Трубецкого из Петербурга в Ставрополь 25 апреля 1841 года».

И все же, несмотря на такой контроль со стороны самого императора, Сергею Трубецкому иногда удавалось немного пошалить. Эмилия Александровна Шан-Гирей так напишет о пребывании князя на водах:

«Вспомнила я бал в Кисловодске. В то время в торжественные дни все военные должны были быть в военных мундирах, а так как молодежь, отпускаемая из экспедиций на самое короткое время отдохнуть на воды, мундиров не имела, то и участвовать в парадном балу не могла, что и случилось именно 22 августа (день коронации) 1840 г. Молодые люди, в числе которых был и Лермонтов, стояли на балконе у окна... В конце вечера, во время мазурки, один из не имевших права входа на бал, именно князь Трубецкой, храбро вошел и торжественно пройдя всю залу, пригласил девицу сделать с ним один тур мазурки, на что она охотно согласилась. Затем, доведя ее до места, он также промаршировал обратно и был встречен аплодисментами товарищей за свой героический подвиг, и дверь снова затворилась».

Много смеялись этой смелой выходке и только; а князь Трубецкой... мог бы поплатиться и гауптвахтой».

Прибыв на Кавказ, Сергей Трубецкой поселился вместе с Лермонтовым и через месяц стал его секундантом на дуэли с Мартыновым. Для него эта дуэль могла обернуться самой страшной бедой, но, к счастью, впоследствии на следственном разбирательстве его участие было скрыто Глебовым и Васильчиковым. После гибели поэта Трубецкого отправили к месту службы, а в августе 1842 г. перевели в Апшеронский пехотный полк. Там он подал прошение об отставке, которое было удовлетворено 18 марта 1843 года. В этот день штабс-капитан Трубецкой был уволен со службы за болезнью, «для определения к статским делам».

Сергей Васильевич Трубецкой был отмечен современниками, как необычайно красивый, ловкий и блистательный во всех отношениях человек. Впрочем, дошли до нас и другие мнения. Например, командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории графа П. Х. Граббе:

«...С умом, образованием, наружностью, связями по родству, он прокутил почти всю жизнь, как наиболее случается у нас с людьми, счастливее других одаренными».

Дочь дипломата, писательница графиня А. Д. Блудова, пожалуй, более всех не осталась безразличной к личности Трубецкого:

«Часто встречались мы тогда с Трубецкими. Это было семейство красавцев и даровитых детей. Старшие сыновья были уже скорее молодые люди, нежели отроки, и мы подружились со вторым Сергеем, насколько можно подружиться на балах и вечеринках, ибо мы не были въезжи в дом друг к другу. Он был из тех остроумных, веселых и добрых малых, которые весь свой век остаются Мишей, или Сашей, или Колей. Он и остался Сережей до конца и был особенно несчастлив или неудачлив... Конечно, он был кругом виноват во всех своих неудачах, но его шалости, как ни были они непростительны, сходят с рук многим, которые не стоят бедного Сергея Трубецкого. В первой молодости он был необычайно красив, ловок, весел и блистателен во всех отношениях, как по наружности, так и по уму, и у него было теплое, доброе сердце и та юношеская беспечность с каким-то ухарством, которая граничит с отвагой и потому, может быть, пленяет. Он был сорвиголова, ему было море по колено, увы, по той причине, к которой относится эта поговорка, и кончил жизнь беспорядочно, как провел ее, но он никогда не был злым, ни корыстолюбивым... Жаль такой даровитой натуры, погибшей из-за ничего...»

О судьбе беглецов, и не только...

9 августа 1851 года на докладе генерал-аудитора последовала высочайшая конфирмация (высочайшее утверждение): «за увоз жены почетного гражданина Жадимировского, с согласия, впрочем, на то ее самой, за похищение у отставного штаб-ротмистра Федорова подорожной и за намерение ехать с Жадимировской за границу повелено князя Трубецкого, лишив чинов, ордена Святой Анны 4-й степени с надписью “За храбрость”, дворянского и княжеского достоинств, оставить в крепости еще на 6 месяцев, потом отправить рядовым в Петрозаводский гарнизонный батальон под строжайший надзор, на ответственность батальонного командира».

12 февраля 1852 года Сергей Трубецкой вышел из рavelина рядовым. В мае 1853 года его произвели в чин «унтер-офицера» с переводом в Оренбургские линейные батальоны. В марте 1854 года Трубецкого произвели в чин «прапорщика». И только после смерти Николая Павловича, Сергея Васильевича Трубецкого за болезнью уволили со службы подпоручиком, с установлением за ним секретного надзора. Случилось это 20 ноября 1855 года.

Как пишет П. Щеголев, «Трубецкой поселился в своем имении Муромского уезда Владимирской губернии, и штаб-офицер корпуса жандармов, находившийся во Владимирской губернии, полковник Богданов 3-й время от времени доносил в III Отделение о поднадзоре. Между прочим, в одном из донесений жандармский штаб-офицер деликатно доложил, что князь привез с собою из Москвы в марте 1858 года экономку, у которой, говорят, хороший гардероб, чего князь сам будто бы не в состоянии был сделать, что живет тихо, а экономка никому не показывается»; через месяц штаб-офицер докладывал, что Трубецкой “ведет скромную и обходительную жизнь, часто выезжает на охоту и почти всегда с той женщиной, которая появилась с ним из Москвы”; а еще через два месяца штаб-офицер в дополнение к своим донесениям сообщал, что “живущая у князя дама довольно еще молода, хороша собою, привержена к нему так, что везде за ним следует и без себя никуда не пускает”. Эта экономка была Лавиния Александровна Жадимировская. 19 апреля 1859 года умер князь Трубецкой, и Жадимировская тотчас же уехала из имения князя Трубецкого. Штаб-офицер донес, что она огорчена смертью князя и, выезжая в Петербург, говорила, что будет просить у правительства разрешения поступить в один из католических монастырей. В мае 1859 года Александр II разрешил выдать Лавинии Жадимировской заграничный паспорт».

Алексей Жадимировский после истории с побегом своей молодой жены, видимо, покинул Петербург. По крайней мере, его след теряется...

В 1852 году или в начале 1853 года София Трубецкая, официально считавшаяся дочерью князя Трубецкого, вернулась из-за границы и поступила в Екатерининский институт благородных девиц. А. Стерлигова, учившаяся вместе с Трубецкой, вспоминала:

«Весть, что приехала какая-то новенькая красавица, облетела всех. Ее зачислили в первое отделение; но мы все увидели ее только в следующую субботу, когда инспектриса Фандер-Фур привела ее в рисовальную комнату, куда собраны были все отделения младшего класса, чтобы идти ко всенощной. Это была девочка лет 14, высокая, стройная, одетая в черное платье с белым отложным воротником...»

Я узнала, что новенькая Трубецкая – пансионерка императора Николая I. Сколько раз в старшем классе я была с нею в одном отделении, даже учила ее по-русски Закону Божию. Я услышала от нее, что принцесса Матильда, княгиня Сан-Дonato-Демидова, желала ее удочерить и спрашивала на это разрешения императора, который предложил этот вопрос решить самой девочке; но та избрала возвращение в Россию под покровительство русского императора, и из Парижа, где она воспитывалась в пансионе с 1848 года, она вдвоем с горничною Степанидой, никогда ее не покидавшею, возвратилась в Петербург. Родных у нее было мно-

жество в знатном и придворном кругу. Мать ее не любила, а отец был разжалован в солдаты. Я иногда надписывала для нее к нему адрес на конвертах в Петровск».

«Судьба молодой девушки устроилась более счастливо, чем у ее матери и официального отца. На коронации императора Александра II в нее влюбился граф Морни, двоюродный брат Наполеона III, бывший его представителем на коронационных торжествах. Хорошо зная, что его красавица-невеста не имеет ровно никаких средств и что ей не только не на что будет сделать себе приданое, но и на подвенечное платье у нее средств не хватит, граф Морни тотчас по получении от нее согласия на брак прислал ей свадебную корзину, на дне которой лежали процентные бумаги на крупную сумму. Ознакомившись с содержанием конверта, невеста гордо подняла свою красивую головку и с холодной улыбкой заметила: “Настоящее предпочтительно будущему!”»

Наверное, точно так же думал и князь Сергей Трубецкой, когда увозил, спасая от нелюбимого мужа, свою возлюбленную. Ведь тогда тоже было настоящее, а точнее, настоящая любовь, ради которой он пошел на всевозможные жертвы, лишившись благополучия, карьеры и свободы. Ни крепость, ни служба рядовым не смогли убить его страстную и возможно самую настоящую, единственную и последнюю любовь. Но самое главное, что та, ради которой он пошел на великие жертвы, дождалась его и была с ним до самой кончины, безусловно, доказав: настоящая взаимная любовь не умирает!

Генерал Скобелев: семья или баталии?

Суворову равный

В январе 1881 года генерал М. Д. Скобелев одержал свою последнюю военную победу, взяв туркменскую крепость Геок-Тепе (Денгиль-Тепе), таким образом, присоединив Ахал-текинский оазис к России и укрепив ее позиции в Средней Азии.

Поход через пески был неимоверно тяжелым, но русские войска все же осадили крепость. Геок-Тепе представляла собой неправильный четырехугольник, ее стены имели в длину 300–500 метров с множеством выходов. Толщина стен доходила до 10 метров в основании, а ширина коридора между ними – до 6 метров. Внутри крепости было сосредоточено от 25 до 40 тысяч ее защитников, в том числе от 7 до 10 тысяч конных. Словом, Скобелеву стало понятно сразу, что взять ее без строительства осадных сооружений будет невозможно. И работа закипела...

Штурм Михаил Дмитриевич назначил на 12 января, на понедельник, день тяжелый и Татьянин день. В ночь перед ним генерал, как и положено, в таких случаях, сделал все необходимые боевые распоряжения и приказы, затем велел приготовить парадную форму с эполетами и орденами. Оставшееся время он провел в беседе с личным врачом О. Ф. Гейфельдом о философских проблемах войны и мира.

В предрассветном тумане Скобелев объехал свои войска, здороваясь с одними и ободряя других. Но с боем он поздравлял всех, предупредив, что отступления не будет...

«В 11 часов 20 минут дня был произведен взрыв мины. Последовал глухой подземный удар, задрожала почва и огромный столб земли и кусков стены высоко поднялся над землею и медленно упал, засыпав ближайшие окопы. Восточная стена упала на 9 сажень и образовала удободоступный обвал. Находившиеся здесь текинцы погибли. Взрыв еще не успел улечься, как части колонны полковника Куропаткина вышли из-за близ лежавшей плотины и бросились на обвал с криком «ура». Колонна полковника Козелкова была поддержана батальонами из резерва и овладела брешью. Другой батальон из резерва составил связь между этими двумя колоннами. Скобелев располагал еще резервом из 13 рот, 5 эскадронов и сотен и 18 орудий. Он своевременно выдвинул, на смену штурмовавших, к брешу 8 рот. На обвале было поставлено 4 орудия. Подполковник Гайдаров, овладев участком западной стены, двинулся на север и вошел в связь с полковником Куропаткиным, части колонны которого являлись направляющими и следовали впереди других, вместе с двумя ротами из левой колонны. Войска наши теснили неприятеля, который однако оказал отчаянное сопротивление. Долго в крепости кипел ожесточенный бой, но искусство вождей со Скобелевым во главе и храбрость солдат сломили наконец текинцев, обратившихся в бегство через северные проходы, за исключением небольшой части, которая осталась в крепости и, сражаясь, погибла. Наши войска преследовали отступающего врага частью огнем, частью следуя за ним по пятам; сам Скобелев при этом опередил пехоту с 4 эскадронами и сотнями при 2 орудиях; преследование и рубка продолжалась на протяжении 15 верст. Наши потери за всю осаду со штурмом доходили до 1104 человек, а во время штурма составляли 398 человек (в том числе 34 офицера). Внутри крепости были взяты: до 5000 женщин, 500 персиян рабов и добыча, оцененная в 6 000 000 рублей» (Большая биографическая энциклопедия).

Уже через несколько часов после начала штурма, покрывая шум боя, над крепостью пронеслось громовое «ура». Скобелев услышал победу, и тогда его лицо прояснилось, а на тонких губах заиграла улыбка.

Благодаря полководческому таланту Скобелева вся экспедиция обошлась России всего в 13 миллионов рублей и была закончена в 9 месяцев вместо предполагаемых двух лет. Оценочные потери текинцев – 6–8 тысяч человек. Михаил Дмитриевич не раз говорил: «Избегать поэзии на войне». И на этот раз ему удалось ее избежать, рассчитав всю операцию до мельчайших деталей.

Что и говорить, Скобелев был по-настоящему счастлив. А его полководческие успехи были оценены по достоинству: в январе его произвели в генералы от инфантерии и наградили орденом Св. Георгия 2-й степени. В Россию Скобелев возвращался триумфатором, где его встречали как народного героя. Только в одной Москве на площади перед вокзалом в ожидании «белого генерала» собрались десятки тысяч людей...

Боевой путь генерала от инфантерии Скобелева уложился всего в 18 лет из 20 лет беспорочной службы. За 18 лет – шесть военных кампаний. Семьдесят боев и крупных сражений, в которых вышел победителем. А ведь достиг Михаил Дмитриевич высоких отличий и высшего военного чина в том возрасте, в каком его сверстники командовали ротами, батальонами, а в лучшем случае – полками.

Начав военную службу в Кавалергардском полку осенью 1861 года в восемнадцать лет, Скобелев становится корнетом в 20. В 21 год – поручик, в 25 – штаб-ротмистр, в 29 – капитан и подполковник, в 31 год – полковник, в 32 года – генерал-майор, в 34 года – генерал-лейтенант, в 35 – генерал-адъютант и в 38 лет – генерал от инфантерии.

Семь русских орденов и с мечами, и за храбрость, в том числе три ордена Святого Георгия:

4-й степени – подполковник Генерального штаба – 1873 г. «За разведку»;

3-й степени – генерал-лейтенант, состоящий при генерал инспекторе кавалерии – 30.08.1878 г. «В награду отличного мужества и храбрости, оказанных в делах с турками во время войны 1877–1878 годов»;

2-й степени – генерал-адъютант, генерал-инфантерии, командир 4-го армейского корпуса – 14.01.1881 г. «За покорение Ахал-Теке».

Две золотых шпаги «За храбрость» с алмазами и одна золотая сабля «За храбрость».

«Он знал, что ведет на смерть, и без колебаний не посылал, а вел за собой. Первая пуля – ему, первая встреча с неприятелем была его, – напишет военный корреспондент В. И. Немирович-Данченко. – Дело требует жертв, и, раз решив необходимость этого дела, он не отступил бы ни от каких жертв.

Полководец, плачущий перед фронтом солдат, потому что им сейчас же придется идти в огонь, едва ли поднял бы дух своего отряда. Скобелев иногда прямо говорил людям: “Я посылаю вас на смерть, братцы. Вон видите эту позицию? Взять ее нельзя, да и брать ее я не думаю. Нужно, чтобы турки бросили туда все свои силы, а я тем временем подберусь к ним вот оттуда. Вас перебьют – зато вы дадите победу всему моему отряду. Смерть ваша будет честной и славной смертью”, – и надо было слышать, каким “ура” отвечали своему вождю эти посылавшиеся им на смерть люди».

Это было действительно так, ведь он сам был безусловно храбрым офицером. Например, 5 мая 1873 года, принимая участие в хивинском походе в качестве офицера генерального штаба, Михаил Дмитриевич с отрядом из 10 всадников встретил караван перешедших на сторону Хивы казахов. Несмотря на численный перевес противника, Скобелев вступил в бой, в котором получил 7 ран пиками и шашками и до 20 мая не мог сидеть в седле.

Под Плевной в 1877 году, где он, кстати сказать, стал кумиром солдат, Михаил Дмитриевич был контужен дважды. В первый раз его легко контузило неприятельской пулей, и он, смеясь, обвинил в этом свой черный полушубок. А через несколько дней он снова был контужен в спину. На этот раз контузия оказалась сильной. Генерал не смог устоять на ногах, упал, и его лицо резко побледнело.

Что говорить, если за все время на театрах военных действий под «белым генералом» было убито пять лошадей!

Немирович-Данченко часто будет вспоминать случай, происшедший во время рекогносцировки:

«Повернули коней кружком головами один к другому и начали обсуждать выгоды или невыгоды данной местности. Скобелев, так как тут был военный агент-иностранец, по-французски излагал свое мнение... В это время послышался какой-то грохот... Граната упала посередине круга, с визгом разорвалась, взрыла вверх целую тучу земли, обдала комьями лица совещающихся. И в то мгновение, когда каждому приходил в голову неизбежный вопрос: цел ли я, целы ли товарищи, – послышался нимало не изменившийся, спокойный голос Скобелева.

– Et bien, messieurs, resumons!.. (Хорошо, господа, сделаем вывод!.. – *фр.*).

И он с той же ясностью начал излагать свои выводы, как будто бы только что ничего не случилось, точно ветка хрустнула под копытом коня...»

Одетый в белый мундир, на белом коне Михаил Дмитриевич в самых жарких сражениях и боях всегда оставался целым и невредимым. Он и сам искренно верил в защитную силу белого цвета. Он его обожал! Случалось, едва завидев «белого генерала», турки прекращали вести пальбу.

Ординарец генерала П. Дукмасов в своих мемуарах напишет:

«Благоразумные люди ставили в упрек Скобелеву его безоглядную храбрость. Они говорили, что “он ведет себя, как мальчишка”, что он рвется вперед, как прапорщик, и что, наконец, рискуя “без нужды”, он подвергает солдат опасности остаться без высшего командования, и т. д.». Но ведь таким Михаил Дмитриевич был всегда!

Еще молоденьким корнетом Кавалергардского полка, находясь в отпуске у своего отца в Польше, Скобелев случайно встретился в Августовской губернии с лейб-гвардии Преображенским полком, преследовавшим одну из банд. И вместо отдыха он проводит весь свой отпуск в качестве волонтера в этом полку в погоне за бандой. После чего настоятельно ходатайствует о переводе из Кавалергардского полка в лейб-гвардии Гродненский гусарский, чтобы принять участие в подавлении Польского восстания.

Скажем так, все это было абсолютно не характерно для сына и внука русских генералов. Да, собственно, и генералами Скобелевы были необычными. Как писал С. Л. Марков, «Скобелев-дед сыграл большую роль в жизни своего внука. Он первый заронил в душу мальчика идею долга перед Родиной, зажег в нем любовь к солдату, научил Скобелева говорить языком, близким и понятным солдату. Сопоставляя приказы Скобелева, отданные им под Плевной, в Фергане и по 4-му армейскому корпусу, с приказами и литературными трудами Скобелева-деда, становится ясно, кто был образцом для Михаила Дмитриевича и чье влияние захватило его.

Скобелев-отец, человек довольно суровый, скупой и старых взглядов, имел меньшее влияние на своего сына. Георгиевские кресты как деда, так и отца с детских лет служили путеводной звездой для Скобелева-ребенка и определили его карьеру. Дед, Иван Никитич Скобелев, заработал свои два Георгиевских креста при взятии Парижа и Варшавы. 25 июня 1807 года, в сражении под Фридрихсдорфом, он был ранен пулей навылет в правую ногу. 20 августа 1808 года, при завоевании Финляндии, ему оторвало два пальца правой руки и контузило грудь. 18 марта 1814 года под Парижем он был ранен в левую руку, а 14 апреля 1831 года в сражении с польскими мятежниками Ивану Никитичу ядром оторвало кисть левой руки. Образ израненного героя-деда не мог не захватить впечатлительного мальчика.

Отец, Дмитрий Скобелев, ездил за своими двумя Георгиями на Кавказ, а затем в Турцию».

Несмотря на свое домашнее образование, через пять лет военной службы Михаил Дмитриевич поступает в Николаевскую академию генерального штаба. Известно, что будущий полководец отличником в академии не стал. У Скобелева были неблестящие успехи по военной статистике и съемке, и особенно по геодезии, но это исправлялось тем, что по предметам военного искусства он был вторым, а по военной истории первым во всем выпуске. В числе первых шел он как по иностранным и русскому языкам, так и по политической истории. То, что Скобелев закончил академию всего лишь по второму разряду и стал 13-м из 26 офицеров, причисленных к генеральному штабу, вовсе не помешало ему стать военачальником первой величины.

«Едет он как-то в коляске, – вспоминал Немирович-Данченко. – Жара невыносимая, солнце жжет... Видит, впереди едва-едва ковыляет солдат, чуть не сгибающийся под тяжестью ранца...

– Что, брат, трудно идти?

– Трудно, ваш-ство...

– Ехать-то лучше... Генерал вон едет, полегче тебя одетый, а ты с ранцем-то идешь, это не порядок... Не порядок ведь?

Солдат мнется.

– Ну, садись ко мне...

Солдат колеблется... шутит, что ли, генерал...

– Садись, тебе говорят...

Обрадованный кирилка (так мы называли малорослых армейцев) лезет в коляску...

– Ну что, хорошо?

– Чудесно, ваш-ство.

– Вот дослужись до генерала, и ты будешь ездить так же.

– Где нам.

– Да вот мой дед таким же солдатом начал – а генералом кончил...»

Любопытна оценка, данная Скобелеву в «Отечественных записках», издаваемых М. Е. Салтыковым-Щедриным:

«Если у Скобелева не было, как у других полководцев, особенно громких побед и никто не знал его заветных дум и идеалов, то все-таки у него были несомненные, в особенности для нашего времени, достоинства, которые и делали его популярным как среди солдат, так и в обществе; он не гнался за земными благами, не выпрашивал подачек и не захватывал казенных земель, не занимался гешефтами, мог спать и, по-видимому, даже предпочитал спать в траншее, а не на мягком тюфяке, он относился к солдату внимательно, не крал его сухарей и, подставляя его грудь под пули, подставлял рядом и свою. Это несомненные в наши дни достоинства, которым большинство даже удивляется. Скобелев – это какая-то в высшей степени непосредственная и в то же время что-то таившая в себе натура, натура недовольная и несчастная при всем видимом счастье, натура отчасти романтическая и склонная к мистицизму, способная уложить более 20 тысяч в одну кампанию и плакать перед картиной сражения при Гравелотте, натура то разочарованная и не ставившая жизнь ни в копейку, то думавшая о будущем счастье, даже собиравшаяся помогать мужику, то тяготевшая к Москве, то говорившая о свободе народов».

О громадной мощи личности Скобелева говорит и письмо обер-прокурора Священного синода К. П. Победоносцева, в котором тот настойчиво советует императору Александру III постараться привлечь на свою сторону «белого генерала»:

«Вот теперь будто бы некоторые нерасположенные к вашему величеству и считающие себя обиженными шепчут Скобелеву: “Посмотри, ведь мы говорили, что он не ценит прежних заслуг и достоинств”. Надобно сделать так, чтобы это лукавое слово оказалось ложью не только к Скобелеву, но и ко всем, кто заявил себя действительным умением вести дело и

подвигами в минувшую войну. Если к некоторым из этих людей, ваше величество, имеете нерасположение, ради бога, погасите его в себе; с 1 марта вы принадлежите со своими впечатлениями и вкусами не себе, но России и своему великому служению. Нерасположение может происходить от впечатлений, впечатления могли быть навеяны толками, рассказами, анекдотами, иногда легкомысленными и преувеличенными. Пускай Скобелев, как говорят, человек безнравственный. Вспомните, ваше величество, много ли в истории великих деятелей, полководцев, которых можно было бы назвать нравственными людьми, а ими двигались и решались события. Можно быть лично и безнравственным человеком, но в то же время быть носителем великой нравственной силы. И иметь громадное нравственное влияние на массу. Скобелев, опять скажу, стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние, т. е. люди ему верят и за ним следуют. Это ужасно важно и теперь важнее, чем когда-нибудь...»

В конце января 1882 года, взяв по настоянию правительства заграничный отпуск. М. Д. Скобелев выехал в Париж. А уже в начале февраля во Францию ушло распоряжение, приказывающее Михаилу Дмитриевичу немедленно вернуться в Петербург. «Белый генерал» имел неосторожность не только встретиться с жившими в Париже сербскими студентами, но и обратиться к ним с речью, в которой он был, как всегда, предельно откровенен:

«Я вам скажу, я открою вам, почему Россия не всегда на высоте своих патриотических обязанностей вообще и своей славянской миссии в частности. Это происходит потому, что как во внутренних, так и во внешних своих делах она в зависимости от иностранного влияния. У себя мы не у себя. Да! Чужестранец проник всюду! Во всем его рука! Он одурачивает нас своей политикой, мы жертва его интриг, рабы его могущества. Мы настолько подчинены и парализованы его бесконечным, губительным влиянием, что если когда-нибудь, рано или поздно, мы освободимся от него, – на что я надеюсь, – мы сможем это сделать не иначе как с оружием в руках!

Если вы хотите, чтобы я назвал вам этого чужака, этого самозванца, этого интригана, этого врага, столь опасного для России и для славян... я назову вам его.

Это автор “натиска на Восток” – он всем вам знаком – это Германия. Повторяю вам и прошу не забыть этого: враг – это Германия. Борьба между славянством и тевтонством неизбежна».

На следующий день Скобелева посетил корреспондент одной из французских газет, в беседе с которым русский генерал вновь подтвердил свою политическую позицию. А произнесенная речь перед сербскими студентами вызвала небывалый отклик во всей Европе.

Русский посол в Париже князь Орлов тут же отправил донесение в Петербург:

«Посылаю вам почтой речь генерала Скобелева с кратким донесением. Генерал тот в своих выступлениях открыто изображает из себя Гарибальди. Необходимо строгое воздействие, доказать, что за пределами России генерал не может безнаказанно произносить подобные речи и что один лишь государь волен вести войну или сохранить мир. Двойная игра во всех отношениях была бы губительна. Московская его речь не была столь определена, как обращение к сербским студентам в Париже».

Обратно в Россию Скобелев добирался через Голландию и Швецию, как ему было указано русскими дипломатами. Их опасения были не напрасными, так как общественное мнение Германии было настроено против Скобелева. И если французская общественность откровенно радовалась смелым словам русского генерала, то в Берлине его имя слышалось совершенно в ином контексте.

«Меня вызвали по высочайшему повелению в Петербург, о чем, конечно, поспешили опубликовать по всей Европе, предварительно сообщив, как ныне оказывается, маститому и единственному надежному защитнику нашего родного русского царского дома – кн. Бисмарку...» – с сарказмом писал в дороге Михаил Дмитриевич.

Обреченный на безбрачие

«В одном месте, по пути, Скобелеву прислали букет неведомо как собранных цветов... – отметит в своей книге Немирович-Данченко. – Еще не пришла их пора, и таких в окрестностях не было.

– Откуда это?

– Благодарность... От турецких женщин...

– От каких турецких женщин? – изумился он.

– От женщин Казанлыка, Ески-Загры и Адрианополя... За то, что честь их не была нарушена, за то, что неприкосновенность гаремов свято соблюдалась вашими войсками.

“Совершенно напрасно, – был ответ, – русские ведь с женщинами не воюют!..”

Ох, уж эти женщины! В жизни такого великого человека их было немало...»

«Все придворные сплетни о «белом генерале» сводились к двум обвинениям: Скобелев хвастун, он преувеличивал свои воинские заслуги, второе – ведет чудовищно безнравственную жизнь. Конечно, мало кто из ядовитых языков был аскетом, но у светского блуда были свои правила игры: мы грешим тихо и при этом стыдимся и сознаем свою вину. Скобелев грешил громко и виноватым себя не считал. К женщинам он был равнодушен, что всегда являлось темой кривотолков и сплетен. Слава воспетого героя и слава опального военачальника одинаково работала на его популярность. При этом сам Михаил Дмитриевич женского общества не искал, даже избегал. Он не любил салонной болтовни, приемов и балов. С детства стеснялся танцев», – рассказывает о личной жизни полковника С. Парамонов.

Будучи молодым гвардейским офицером, Скобелев слыл весьма темпераментным мужчиной, которому француженки или иные барышни искусства иной раз мешали учиться в академии. В своих знаменитых походах он также не расставался с дамами, заботясь не только о себе. Историк А. Б. Широкопад в своей статье приводит такой пример:

«При подготовке похода генерал Скобелев не забывал ни о спорте, ни о... проститутках. На полях доклада санитарного врача он написал: “Прошу сделать распоряжение теперь же, в счет экстраординарной суммы, выписать скорее игры для солдат по числу укреплений на обеих коммуникационных линиях и в оазисе. Полезными играми я признаю игру в мяч, причем необходимы мячи различных размеров, прочные и красивые. Кегли можно устроить почти везде на месте, и надо выписать лишь несколько деревянных или костяных шаров... У нас солдат молодой...»

Вопрос о публичных женщинах является очень важным. Необходимо иметь прачек и вообще практиканток в тыловых укреплениях для солдат. А для этого нужно их достаточное количество. Буду ожидать доклада начальника штаба”.

На вербовку «практиканток» было затрачено 3 тыс. руб».

Но вернемся к рассказу С. Парамонова:

«Однополчане Скобелева, безмерно его уважая, неохотно делились сведениями о военно-полевых романах генерала.

Поговаривали, что в турецкую кампанию дочь вражеского паши, Севиль, воспылав страстью к русскому герою, пыталась пробраться в его стан в платье болгарки. Женщин будто затягивало в воронку его противоречивого обаяния. Многие не могли понять, что привлекает их в Скобелева. Он не был дамским угодником: покоряя, оставался высокомерен и ироничен. Безудержный темперамент? Тем обиднее было оказаться вдруг забытой и не знать почему. А Скобелев так и обрывал свои связи – без объяснения причин и выяснения отношений.

Именно таким был бурный и короткий роман с актрисой Алябьевой. Однажды у любовников вышла размолвка. Алябьева, игравшая в тот вечер, все первое отделение

высматривала в зале своего вспыльчивого друга. Скобелев появляется только в антракте, пробирается в гримерку и, не обращая внимания на протесты актрисы, которой скоро опять на сцену, овладевает ею прямо за туалетным столиком. «Кавалерист всегда успеет», – усмеяется он. Во втором отделении Алябьева вновь ищет своего героя глазами, злится: «успел» и ушел.

И тут к ее ногам летит огромный букет роз, продетый в дорогой жемчужный браслет. Это Скобелев, и сцена в его духе».

Зимой 1873–1874 годов Михаил Дмитриевич был в отпуске, который провел в основном в Южной Франции. Узнав о междоусобной войне в Испании, он пробирается в расположение карлистов и пристально наблюдает за несколькими сражениями со стороны.

В феврале 1874 года его производят в чин полковника, в апреле назначают флигель-адъютантом с зачислением в свиту Его Императорского Величества, а летом он венчается с фрейлиной императрицы княжной Марией Николаевной Гагариной (1850–1906), племянницей князя Меншикова.

Как отмечает Б. А. Костин, «княжна не блистала красотой, но ровный, выдержанный и спокойный характер, проявившийся в ее мягком женском облике и неспешной, распевной речи, должны были наконец, по мнению Дмитрия Ивановича и Ольги Николаевны, «обуздать порыв». И, кажется, в первые месяцы это удавалось, иначе в письме к отцу не было бы таких слов: «Спокойствие есть почти целое счастье на земле».

Своего удовлетворения Дмитрий Иванович не скрывает. Сын, принесший столько хлопот в улаживании его постоянных конфликтов и долгов, обрел семейную пристань. «Радуясь твоему настоящему степенству, – пишет он Михаилу, попутно делая комплимент его молодой жене, – радовался радостью твоей жены, она накупила удачно тебе в кабинет ковров...»

Внешне Скобелев действительно изменился, но мечты о жизни иной, деятельной, боевой, где властвуют удаля, хождение между жизнью и смертью, увлекали его сильнее, чем усталая мягкими коврами тахта и спокойствие и ровное потрескивание свечей в уютной квартире.

С. Пармонов лишь добавляет детали в эту историю:

«Этот брак давал надежду на расположение двора, на нем настаивали родители Скобелева. Но через несколько месяцев после свадьбы Скобелев к ней охладел. Даже в день венчания он повел себя странно. Вечером молодые собирались устроить ужин в доме дяди Марии. Гости нашли там лишь одну невесту, а сам Скобелев куда-то исчез».

Осенью этого же года Михаила Дмитриевича направляют в Пермскую губернию для участия во введении в действие приказа о воинской повинности, а в апреле 1875-го он возвращается в Ташкент, где будет назначен начальником военной части российского посольства, отправляемого в Кашгар. Это назначение он, говоря простым языком, буквально вымалывает. Но именно отъезд в Туркестан становится первым шагом к разрыву с женой...

Оттуда он откровенно напишет своему дяде: «Жить моей жизнью, сознаюсь, для женщины нелестно». А своим близким друзьям он не раз скажет: «Игнатий Лойола только потому и был велик, что не знал женщин и семьи...»

Что ж, видимо, одна холостяцкая жизнь больше подходила Михаилу Дмитриевичу. Ведь и женщин он любил, как-то по-своему, по-скобелевски... «Он не давал им ничего из своего я, полагая, что настоящий военный не должен чрезмерно привязываться к женщинам и даже заводить семью». Если у него и были в этом плане какие – то колебания, то недолгие... «...Двум богам нет места в сердце. Война и семья – понятия не совместимые». Кто знает, может быть, его единственная жена Мария Николаевна Гагарина (Скобелева) олицетворяла его другую, несостоявшуюся судьбу. Но ведь он сам не пожелал ломать чужую и очень хрупкую жизнь.

Через два года несостоявшаяся жена генерала напишет ему письмо, в котором потребует развода. И в этом единственном бракоразводном процессе, который в те времена был весьма и весьма сложен, Михаил Дмитриевич взял всю вину на себя и таким образом по приговору был осужден на безбрачие. Современники говорили, что женитьба была самым большим местом Скобелева: «В нем несомненно было сильное стремление к семейной жизни, хотя он энергично это отрицал».

«Необходимо только, – сказал ему Верещагин, – чтобы жена ваша была умна и взяла вас в руки.

– Это верно, – заметил Скобелев.

Еще под Плевной Верещагин пророчил Скобелеву, который страстно любил детей, что у него явятся “скобелята”, которые будут таскать его за бакены».

После развода со Скобелевым Мария Николаевна покинула Россию и жила в Баден-Бадене с родителями, где и скончалась, так и не выйдя замуж во второй раз.

К слову сказать, в XVIII веке благодаря женитьбе русского наследника трона Александра Павловича на баденской принцессе Луизе Баден-Баден стал излюбленным курортом русской аристократии. В «Летнюю столицу Европы» часто приезжали князья Гагарины, Волконские, Меншиковы, Вяземские, Трубецкие, а также великие русские писатели Гоголь, Толстой, Тургенев, Достоевский. Здесь не просто отдыхали, здесь поправляли здоровье, пили лечебную воду и развлекались. Так что выбор места жительства Марии Николаевны был не случаен...

И все же такой холостяк, как Михаил Дмитриевич, в глубине своей души мечтал жениться «на бедной образованной девушке».

В Минске, где стоял его 4-й армейский корпус, Скобелев поселился в скромном доме на улице Батальонной. Здесь же находился и штаб. В этом городе генерал полюбил 19-летнюю эмансипированную либералку, преподавательницу местной гимназии Екатерину Головкину. Говорят, она хоть и не блистала красотой, но была очень сильной личностью. Что, безусловно, не могло не импонировать Михаилу Дмитриевичу. Произошла эта встреча до его последней экспедиции... В 1882 году он ненадолго навестит Минск, чтобы отправиться к друзьям в Москву.

Валентин Пикуль, в свойственной ему манере, описал знакомство с Головкиной так:

«Дукмасов заметил, что Скобелев, поглядывая в окно штаба, часто провожает глазами строгую девушку, выходящую из женской гимназии. Адьютант велел узнать, кто такая?

– Екатерина Александровна Головкина, – вскоре доложил Дукмасов. – Учительница, как вы хотели. Живет бедно, одним скудным жалованьем. Ни в каких пашнях не замечена.

Скобелев нагнал барышню на улице, и Головкина, стыдясь, сжала руку в кулачок, чтобы скрыть штопаную перчатку.

– Екатерина Александровна, – заявил Скобелев, – не будем откладывать дела в долгий ящик: вы должны стать моей женою.

– Вы с ума сошли.

– Так все говорят, когда я начинаю новую боевую кампанию.

– Я буду жаловаться, городского позову!

– А хоть самому царю жалуйтесь, у него в кабинете столько доносов на меня лежит, что лишний не помешает.

Когда знакомство с девушкой перешло в дружбу, а затем появилось и сердечное чувство, Головкина сказала:

– Непутевый вы человек! Не скрою, мне весьма лестно предложение столь знаменитого человека, как вы. Но я боюсь.

– Чего боитесь?

– Вашей славы. Вы к ней уже привыкли, а мне быть женою такого полководца страшно и опасно. Давайте подождем.

– Опять в долгий ящик? – возмутился Скобелев».

Конечно, все было не совсем так. Этот диалог не отражает всей драмы тех отношений молоденькой девицы и состоявшегося мужчины: учительницы и генерала.

Как рассказывает Б. А. Костин, «возвращение в Минск радости не принесло. Мечта иметь свой семейный очаг была близка и осуществима. Екатерина Александровна Головкина – незнатная, но обаятельная и интеллигентная девушка, вызвала у Скобелева искреннее, доброе чувство, несхожее с мимолетными увлечениями. Оно нуждалось в ответе искреннем и душевном. Но это были годы, когда вихрь эмансипации ворвался в Россию, изломав и искалечив немало юных судеб. Мечты о равенстве, желание властвовать над представителями сильного пола, вызывая в них муки и страдания, порождали безмерный эгоизм. Строки одного из писем Е. А. Головкиной в достаточной мере подтверждают это: “Михаил Дмитриевич... я осознаю, что идя рука об руку с вами, я могу быть полезным человеком, а не слабым существом. Дайте мне право над вами, полное, бесконечное, я дам вам счастье...”

Да разве Скобелев, горячо любя, был способен на расчет, а тем более на сделку?! Конечно нет! Попытайся Катя Головкина хоть на толику проникнуть в душу Михаила Дмитриевича, отбросить кривотолки и сплетни, которыми был окружен почитатель ее красоты, и все сложилось бы по-иному. Увы, Господь обошел девицу чувствительностью и той искренней добротой, которой славилась русская женщина, она не способна была оценить величие души человека, который уже при жизни стал принадлежать Истории. Возможность сохранить его существовала, но Катя Головкина так и не сумела наступить на горло собственной гордыне и предоставила судьбе рассудить, кто прав, а кто виноват в разрыве. Скобелев захандрил, стал раздражительным и, чтобы облегчить груз переживаний, весь ушел в служебные дела».

Душевную драму «белый генерал» переживал мучительно, хотя абсолютно ни с кем не делился своим сокровенным. Даже с самыми близкими ему людьми. А ведь он сильно подавлен и разочарован. Холостяцкая жизнь сыграет со Скобелевым роковую роль, но изменить что-либо он уже не мог. Единственная и последняя надежда на спасительный для него брак рухнула в одночасье. До конца он всю свою любовь будет отдавать племянникам, часто навещая их в имении Шереметевых в Юрино.

В июне 1882 года Михаил Дмитриевич напишет черновик ответа Екатерине Александровне Головкиной, на тот момент покинувшей Минск. В этом же месяце, но чуть позже он поручит И. И. Маслову (он вел все его хозяйственные дела), отправить ей полторы тысячи рублей золотом...

Кто знает, о чем думал великий человек тогда? Но факт остается фактом: таких женщин, как его мать Ольга Николаевна Скобелева, ему встретить так и не довелось. Возможно, в этом и заключалась трагедия его личной жизни...

Ольга Николаевна была женщиной большого петербургского света, но обладая редким умом и честолюбием, она не только довольствовалась этой ролью. Мать «белого генерала» принимала самое живое участие во многих предприятиях своего сына.

«Ольга Николаевна была очень интересной женщиной, с характером властным и настойчивым. Она очень любила своего единственного сына, посещала его даже в походной обстановке и своей широкой благотворительной деятельностью поддерживала его политику в славянском вопросе», – так ее оценит барон Н. Н. Кнорринг.

Когда умер отец Михаила Дмитриевича, его мать всю себя посвятила помощи больным и раненым и на Балканах возглавила отдел общества Красного Креста. Она много сделала для организации снабжения госпиталей Болгарии и Восточной Румелии, основала в Филиппополе приют для сирот, а также организовала еще в нескольких городах приюты и школы.

В июне 1880 года ее жестоко убил капитан Узатис. О том, как это произошло, пишет Валерий Ярхо:

«генеральша Скобелева выехала из Филиппополя около девяти вечера, направляясь в Чирпан, где намеревалась посетить госпиталь и передать врачам деньги, собранные благотворителями. На ночь глядя решили ехать из-за несносной дневной жары – дожидались, когда станет прохладнее. В наемном экипаже отправились, помимо кучера-болгарина, сама генеральша, ее горничная Катя и он, Иванов, ехавший на козлах вместе с кучером. Покинув город, фаэтон генеральши покатиł вдоль речки Марицы, однако путешественники не миновали и версты, как услышали, что кто-то по-русски крикнул вознице: “Стой!” – и тот придержал коней...

Человека, окликнувшего возницу, первой узнала горничная Катя: “Капитан Узатис! Как это мило – вы все-таки решили нас проводить?!”... Ни слова не отвечая, капитан приблизился к экипажу. В руках у него была обнаженная черкесская шашка. Иванов, привстав на козлах, увидел, что сзади к фаэтону подкрались еще двое, – и в этот момент они как раз сдернули с козел кучера. Тот инстинктивно вцепился в Иванова и потащил его за собой, чем спас ему жизнь. Узатис, легко шагнув на ступеньку экипажа, рубанул унтера шашкой, целя в голову, но Иванов уже повалился с козел вместе с кучером, а потому удар пришелся по левой руке, отвалив кусок живой плоти по самый локоть. Упавшего на дорогу Иванова пырнули еще кинжалом, и, лежа на земле, он не видел, что творилось в экипаже. Услышал только исполненный ужаса крик Кати: “Узатис, что вы делаете?!” – потом снова свист шашки, хруст костей, хрипы и стоны жертв. Напуганные лошади дернули с места, но запутались в брошенной упряжке и вожжах, перевернули экипаж, и из фаэтона на дорогу вывалились два трупа: горничной с разрубленной головой и Скобелевой, из рассеченного горла которой хлестал фонтан крови».

Как выяснилось позже, капитан Алексей Узатис убил мать «белого генерала» из-за денег. Все скопленное он вложил в постройку мельницы, но деньги быстро закончились. А для завершения дела ему было необходимо несколько тысяч рублей.

«Когда в Филиппополь приехала Скобелева, по слухам, привезшая свыше ста тысяч рублей, появилась надежда перехватить денег у нее. Узатис обратился к Ольге Николаевне с просьбой и даже возил ее на мельницу, показывал хозяйство, объясняя, сколько и для чего ему нужно. Но светская дама, мало понимавшая в этих делах, отнеслась к его рассказу легкомысленно, посоветовав бросить эту затею и поступить к ней на службу управляющим румелийских имений, которые она рассчитывала основать на приобретаемых землях. Несмотря на весьма заманчивые условия службы, Узатис воспринял ее слова как отказ и решил взять деньги силой, как привык в партизанской войне».

Убеждая своих сообщников, Узатис уверял: «Если убить ее, на меня никто не подумает! Она любит меня как сына. Никто не заподозрит!»

Смерть матери чрезвычайно потрясла Скобелева, который любил ее весьма горячо. Михаил Дмитриевич плакал, как младенец, и не выходил весь день из своей палатки. Ему трудно было понять, как близкий к нему человек мог пойти на такое преступление. Скобелев всегда лично представлял храброго офицера к боевым наградам, а потом долго не мог поверить в то, что георгиевский кавалер запросто стал преступником.

Он собирался жить недолго

В 1882 году генералу от инфантерии Скобелеву было всего-то 39 лет. Его ординарец Петр Дукмасов в своих мемуарах замечает:

«Я внимательно между тем всматривался в лицо дорогого человека. Он заметно изменился за тот короткий срок, в который я его не видел: побледнел, пожелтел, как-то осунулся, выражение глаз стало более серьезно, сосредоточенно. Он как будто делал усилие, чтобы улыбаться, смеяться, тогда как прежде это веселье было совершенно естественно и вполне соответствовало сего сангвинической натуре. Несомненно, что неожиданная смерть матери, хлопоты и труды в тяжелой степной экспедиции и разные мелкие тревожения и неприятности сильно отразились даже на этой крепкой натуре».

В. И. Немирович-Данченко вспоминал о том, как все изумлялись, когда Скобелев спит? «В семь часов он уже был в седле, а в девять вечера садился за работу и, просыпаясь в два три часа ночи, мы еще видели его за ней».

Врач О. Ф. Гейфельдер в своих записках не однажды упомянул о Скобелеве, как о тяжелом пациенте для своих врачей и что он нередко болел во время кампании:

«Но, с другой стороны, и его смелость и неосторожность не мало тревожили его друзей, и в особенности беспокоили тех, которые считали себя более или менее ответственными за его здоровье и благополучие. Он не знал никакой осторожности, не избегал никакой опасности, напротив того, он искал ее будто нарочно не только перед неприятелем, но и в будничной жизни.

В осенние периоды отдыха в Красноводске Михаил Дмитриевич, как уже сказано, бросил верховую езду и всякое движение, сидел, читал, писал и диктовал. Несколько раз я убеждал его делать какое-либо движение и заручился наконец его обещанием предпринимать после обеда гигиенические прогулки верхом; но каждый раз, когда наступало время исполнить это обещание, то генерал раздумывал и оставался дома».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.